

Владимир Андреевич Головин

По ту сторону смерти

Ответы на вопросы

Оглавление

Предисловие	2
Как пережить смерть близких людей, особенно детей?.....	3
Бывают ли случайные смерти?	4
Если идёт родовое проклятье за грехи предков, как нужно молиться, чтобы вымолить свой род?	6
Как человек живёт, так и умирает. Правильны ли эти слова?.....	6
Как помочь умирающему человеку? Что делать в первые часы после смерти?	8
Какие действия должны совершать близкие усопшего человека?.....	9
Обязательно ли по усопшим читать Псалтирь?	9
Как правильно держать траур по усопшим?	10
Как быть, если за живого человека подали записку как за усопшего?.....	11
В своих проповедях Вы говорите о том, что наша молитва об усопших может им помочь. И подчеркиваете – с любовью. В какой форме может быть эта молитва в церкви, дома?.....	12
С любовью можно молиться за тех, кого любил при жизни, кого знаешь. А если по наследству остался список умерших людей, которых ты совершенно не знал при жизни, что можно сделать для их души?	13
Можно ли обращаться к усопшим родственникам с молитвой?.....	13
Как узнать посмертную участь усопших?	13
Могут ли усопшие являться живым?	14
Могут ли усопшие душой находиться рядом с нами, видеть и слышать нас?	15
Почему усопших поминают на третий, девятый, сороковой день?.....	16
Как часто нужно помянуть усопших?.....	16
Есть ли в православном календаре такие дни, когда усопшие не поминаются? Почему?	17
Можно ли молиться акафистом «За единоумершего» за несколько человек сразу?	18
Как молиться за усопших, умерших без покаяния?	18
Как молиться за умерших некрещёных младенцев?	19
Можно ли в церкви помянуть некрещёных усопших?.....	20
Почему в Церкви не отпевают самоубийц?.....	21
Какие суеверия связаны с обрядом погребения? Как к ним относиться?	21

Можно ли принимать за истину описание рая и ада людей, переживших клиническую смерть? Что в большинстве своем они видят?	23
Нужно ли на могильный крест помещать фотографию?	23
Каково православное отношение к кремированию умерших?	25
Есть такое мнение, что после смерти люди находятся как бы в состоянии сна, так ли это?	25
Каково православное отношение к реинкарнации (переселению душ)?	26
Что такое мытарства?.....	26
Чем занимаются в раю?	28
Как люди в раю могут радоваться, когда их близкие находятся в аду?	29
Действительно ли муки грешников вечные?.....	29
Какой смысл быть второму суду Божьему?	31
После всеобщего воскресения мы наследуем те же самые тела или новые? Говорится ли где-то об этом?	33
Как Вы относитесь к смерти?	33
Были ли в Вашей жизни случаи, когда Вы на себе почувствовали близость смерти? .	34
Как избавиться от страха смерти?	37

Предисловие

Рано или поздно каждый из нас начинает задумываться: что будет со мной, когда я умру? От этого вопроса чаще всего на душе становится неприятно, холодно, некомфортно. Пугает мысль: а вдруг там пустота, и меня больше не будет?

Неизбежно сталкиваясь со смертью любимых, близких или просто знакомых людей, переживая их потерю, мы задаемся вопросами: Как они там? Где они есть? Что будет со мной? И часто становится страшно. Страшно за них и за себя.

Православный опыт в веках свидетельствует о непреложной истине: после смерти жизнь не заканчивается, вратами смерти входим мы в иную жизнь.

В данной книге собраны ответы отца Владимира Головина на вопросы о жизни после смерти, о том, как нам, православным, относиться к смерти, как молиться за усопших и многие другие, относящиеся к данной теме.

Передавая личный духовный опыт отца Владимира, мы постарались максимально сохранить живое слово батюшки, звучащее на его проповедях и в беседах со своими духовными чадами и паломниками.



Как пережить смерть близких людей, особенно детей?

Когда умирают наши близкие, мы испытываем сильную душевную боль. Но часто появляется она не от жалости к ним. Корень этой жалости – наше внутреннее безбожие.

Прошу прощения за то, что я скажу: я был бы счастлив, если бы все мои близкие умерли раньше, чем я. Конечно, я не прошу этого у Господа, не навязываю Ему свою волю. Но мне было бы спокойнее, если бы я пошел последним, хотя среди моих близких есть и маленькие внуки. Почему я так рассуждаю? Если они уйдут раньше, я буду точно за них молиться. Буду молиться с любовью, я знаю: я их люблю. Я их буду вытаскивать. А когда они после меня уйдут, что они там натворят? Кто за них будет молиться? Будут ли они Бога знать?

Когда человек знает Господа, смерть не является причиной страха. Смерть не вышибает из колеи никого и никогда, если человек знает Бога. У меня мамочка, скажем, умрет, я её очень люблю, что я подумаю? Я скажу себе вслух правду: вот моя мамочка, волею Всевышнего, ушла с земли, где много плачут, туда, где не плачут никогда. Я за неё порадуюсь и буду с надеждой молиться.

Смерть пугает человека только внутренне безбожного, поэтому, если тебя пугает смерть близкого человека или твоя собственная, дело не в твоей жалости к этому человеку, а в том, что ты не веришь, что за гранью смерти есть вечность.

Ко мне в церкви подошла женщина и рассказала, что у неё умер муж. Она его очень любила, он – тоже. Она поделилась: «Мы, действительно, были родными по жизни, было о чем поговорить. Могли долго-долго говорить, нам было хорошо вместе. Это была настоящая любовь. Он заболел и умер. Меня полностью вышибло из колеи. За жизнь мы с ним не так много заработали, но квартира, машина остались. Когда муж умер, я машину единственному сыну отдала. И вот сын на этой машине разбился насмерть. Единственный сын. Я вообще теперь не знаю, как мне жить». Я ей сказал: «Я Вас попрошу, если сможете, молитесь вот так: каждую субботу в половине девятого читайте акафист «За единоумершего». Только поминайте одно имя. В одну субботу – мужа, в другую – сына. Так молитесь. Они живы. Будете молиться – почувствуете это. Живите с Богом. Будьте с Ним едины. Поймёте, что Вы Ему нужны». Она меня слушает, но не слышит: «Я не знаю, как жить». Я её спрашиваю: «Вы когда-нибудь Богу молились?» Она отвечает: «Я от Бога никогда не отрекалась». Я говорю: «Я другой вопрос Вам задал». Эту женщину я не осуждаю, мне её жалко: она боль переживает, скорбь, но она Бога не знает. Её вышибло из колеи. А я вам скажу: кто без Бога живёт, того не только смерть близких – многое что вышибает из колеи. А кто с Богом – не может вышибить ничего, а смерть близких и подавно. Они ушли к Тому, Кто их любит, к Небесному Отцу. В то место, где никогда не плачут, из того места, где плачут много. Будем за них молиться и желать им милости Господа.

Для будущей жизни, чем раньше умрет человек, тем лучше, тем меньше грехов. Это – верно. Это – правда. Когда проходит отпевание ребенка до семи лет (чин отпевания младенческого), то ничего не говорится о прощении грехов. Там только одно: свидетельство, что он ушел в Царство Божие.

Если кто из восьмидесятивосьмилетних говорит: «Ещё и не жил, хотелось бы ещё пожить-то, раз семь жениться, если получится, и прочее. Как бы пожить подольше? Что-то я стал болеть непонятно почему: всего лишь 82. Что-то стал прибалывать, непонятно. Столько планов», – то всё это из оперы несерьезности. Сейчас врачи что говорят? Если человеку за сорок, у него и хондроз есть, и позвоночник искривлен уже. При том образе жизни, который мы сейчас ведём, за сорок уже инвалиды, больные в основном. Как исключение, здоровые люди-то. Поэтому православные должны стремиться к тому, чтобы не как можно дольше прожить, а как можно правильнее жить. Не биологическое существование беспокоит православного человека, а духовное бытие. Истинное бытие смертью тела не заканчивается.

Бывают ли случайные смерти?

Никогда. В Священном Писании чётко, конкретно, жёстко написано, что Бог посылает смерть человеку только в двух случаях.

Первое, когда данный человек смог достигнуть возможной для него духовной высоты, и в дальнейшем Господь видит, что он с этой высоты будет опускаться. Тогда Господь на данной высоте забирает его. Мы знаем, что вечность – это не бездействие, а деятельность. Что будет с тобой, со мной в вечности? С каким ускорением мы пошли на подъём, на таком подъёме и будем подниматься дальше. Или, наоборот, с каким ускорением мы опускаемся сейчас, с этим ускорением будем падать дальше.

Второе, это в Ветхом Завете написано, когда человек опустился в грехе на такой уровень, что Господь видит: он ещё ниже будет опускаться, он уже не будет исправляться. тогда Господь забирает его из милости, чтобы он себя ещё больше в муки ада не загнал и не был бы источником погибели для других. Поэтому случайных смертей нет. Так написано в Священном Писании.

Такие вопросы чаще возникают, когда происходит массовая гибель людей, например в автокатастрофах. Неужели все эти люди погибли не случайно? Нет, не случайно. Чтобы понимать эти вещи, нужно ещё один момент оговорить. Будучи людьми, рождёнными от грешных, и сами грешные, мы многие вещи понимаем своеобразно, перевёртышами. Если в смысловом плане говорить о человеке, о первочеловеке, то размножаться первый человек стал в смысле – раздробляться (есть такая мысль святых отцов). Чем больше дробить целое, тем оно будет меньше, слабее. И человечество в целом, чем дальше идёт история, размножаясь, во всех смыслах этого слова, становится мельче, в том числе и в плане духовном, в плане здоровья и так далее. Изначально человек – это одно единое целое.

Христос пришел в мир спасти человека. Он один за всех страдал. Он – Всечеловек. Поэтому неправославно будет рассматривать одного человека в отрыве от всего человечества. Апостол Павел на примере церкви пишет, что всё человечество – это одно единое целое. А что такое Церковь? Воссозданное, обновлённое человечество. Каждый из нас в отдельности – орган этого тела, но орган одного единого целого. Если у меня один какой-то орган болит – это будет отражаться на всех других органах. Если у меня сердце остановится, а всё остальное будет здоровым, то тело погибнет. Одно влияет на другое.

Поэтому, когда мне говорят о том, что происходят в этом мире сейчас вещи, трагедии какие-то жестокие, болезни, я спрашиваю: «А Вы знаете, что в Ботсване (государство в Южной Африке – ред.) 80 % людей заражены СПИДом? Это ведь не частное дело, 80 % населения – это ведь дико подумать. Мозамбик, ЮАР, Намибия, Ангола – Южная Африка вымирает просто, физически вымирает от СПИДа. Превращается в пустыню».

Мы же знаем эти факты. Мы знаем и о других вещах: такие стихийные, массовые явления идут. Сейчас учёные всё чаще говорят, например, о сейсмической активности земли: извержении вулканов, землетрясениях – всё это, если в целом брать, следствия одной причины.

Я часто сравниваю человечество, мир с песочными часами. В Библии написано, что Бог создал человека, чтобы он господствовал, т. е. заботился о творениях Бога. Мир духовный, незримый – ангельский, как в песочных часах, – верхняя чаша. Мир материальный, в котором мы живём, люди, – нижняя чаша. И в том, и в другом мире есть своя иерархия. Есть ангелы более высоких ступеней развития, есть более низких. И в этом мире, например, животное – это одна степень организации, а дерево, камень – более низкая степень. Это разные ступени развития.

А что такое человек? Это перемычка песочных часов. В нём есть материя. В Библии написано, что из праха земного создан человек. И в то же время, человек – есть душа бессмертная. Люди – граждане двух миров: и материального, и духовного, связующее звено между тем и другим. Человек должен господствовать, заботиться о мире материальном, поднимая его до мира духовного. И через себя одухотворять мир материальный.

В этом смысл бытия человека. В результате греха человек не идёт к этой цели в целом. Человечество не идёт путем одухотворения и одухотворения всего мира тоже, и поэтому всякого рода катаклизмы, всякого рода проблемы массового характера: от катаклизмов в природе до техногенных, болезней всякого рода. Это всё следствия одной причины: отклонение человечества от своего главного предназначения.

Это можно сравнить вот с чем. У меня есть легкие, я могу дышать только воздухом, насыщенным таким-то количеством кислорода. Если взять меня и опустить на дно реки, сказать: живи милый, живи, радуйся жизни, то я захлебнусь и погибну, но не от болезни, а от противоестественной среды, в которой мой организм не способен существовать.

Грех – это противоестественная среда, в которой человек задыхается, погибает. А будучи связующим звеном, в погибель стаскивает и всё, что ниже его, вместе с собой, даже бессознательно.

Апостол Павел так говорит: «Мы знаем, что всё творение до сих пор стонет и мучается, как женщина при родах» (Рим.8:22), ожидая избавления от сынов человеческих. Поэтому все эти массовые катаклизмы, массовые страдания – это следствие того, что в целом человечество выбрало путь погибели, греха, выбрало путь противоестественный, и вот плоды этого.

Это не воля Бога, чтобы мы так страдали, воля Бога – чтобы мы в радости жили, это, к сожалению, наш человеческий выбор.

Если идёт родовое проклятье за грехи предков, как нужно молиться, чтобы вымолить свой род?

То, что в миру называют родовым проклятьем, мы, православные, этого термина избегаем. Почему? Потому, что, как понимают в миру это слово, такого явления не существует.

Когда мы проявляем любовь к усопшим через молитву, то что происходит? Языком нецерковным, но близким к православному по выводам, можно сказать так: происходит нейтрализация последствий греха на нас, на потомках. То есть получается: не только за предков своих молимся, но за себя тоже. С большей любовью молимся за таких усопших, с большим страхом за их участь, если считаем, что по их вине в роду происходят какие-то страшные последствия.

Как человек живёт, так и умирает. Правильны ли эти слова?

С теми людьми, которых я вел, только так и было. Приходилось видеть агонию, последние минуты жизни человека, глаза закрывать умирающим. Всегда так и было: как жили, так и умирали.

Меня всегда поражают такие вещи, очень жёсткие и очень конкретные. Если человек жил не просто греховно, а плясал под дудку беса. Это страшные явления, когда люди вживую видят бесов.

Здесь, в Болгаре, жила бабуля одна. У неё муж сильно по жизни гулял, изменял. А она страдала. Как его от этого избавить? Она не знала и поэтому ходила по всяким бабкам, дедкам. Ей там говорили: делай так и так. Она обряды некие совершала, то есть фактически вошла в сатанизм. Я её не осуждаю, время тогда безбожное было. Как бы из добрых побуждений всё это делая, она попала в лапы колдунов. Подколдовывала и сама, не понимая, что делает. Потом она стала поступать так и в других вещах, думая, что это ей поможет. Корову надо отчитать, она у неё порченная, соседу навредить, чтобы он не лез. Она в это вошла, что-то там творила. Её сноха мне сказала: «Свекровь явно умирает, но не может умереть. Мы все это видим и не знаем, что делать. Что-то необыкновенное с ней происходит, и нам всем с ней – страшно». Я сказал: «Давайте попробуем её пособоровать, причастить, прочитайте отходную по ней». Сын её приехал за мной на грузовой машине, поздно, темно уже было. Как мы с ним ехали, это надо было видеть: с машиной что творилось, с ним что творилось, со мной тоже было плохо.

Когда я вошел к ним в дом, меня как будто накрыло чем. Мороз по всему телу прошёл, а почему понять не могу. Она лежала под зимним одеялом, платок сбитый, рубашка сбита. Сил у неё нет, она лежит и как будто через нас смотрит куда-то, старается одеяло на себя натащить, под него спрятаться. И только говорит одну и ту же фразу: «Боюсь, боюсь, боюсь...» На кого-то смотрит в ужасе, под одеяло прячется и говорит: «Боюсь, боюсь, боюсь...» Я понял, кого она боится, кого она видит. И понял, почему все были в таком состоянии. Причем это все понимали. Они мне сразу не сказали, опасаясь, что я откажусь войти в их дом. Я видел, как она умирала. Она не могла умереть. Она умирает и не может умереть. Такие факты я не один раз видел.

Ещё один случай произошёл в посёлке Ким. Специально меня туда повезли, говорят: «Месяц человек не может умереть. Врачи говорят: непонятно чем вообще живёт». Я когда к этому человеку подошёл, он меня как будто не видит, через меня смотрит.

Глаза как стеклянные, будто с поволокой, бельмом каким-то. Кидается как будто на что-то, как будто прыгает в постели. Он не ест, не спит, ему только губы смачивают водой, он в движении таком постоянном. Как будто не живой, название одно только, – агония, только больше месяца идущая. Страшно подумать. Запах уже разлагающегося трупа от него. Когда я к Нему подошёл, заметил, что он начал сосредотачивать свое внимание на кресте. Я вначале не понял, отчего он начал успокаиваться. Он руками, которые у него уже не слушаются, потянулся к кресту. Я это увидел и дал ему крест. Он стал прижиматься к Нему и на глазах утихать, утихать. Я прочитал отходную. Потом мне рассказали, что когда мы отъехали совсем недалеко, он отошёл.

И если каждый конкретный случай брать, всегда есть причины. И наоборот, если человек при жизни к Богу стремился, то отходит с покаянием, бывает даже с улыбкой. И что интересно, на лица таких людей смотрю – они в гробах молодеют. Маленько морщинки выпрямятся, как ни странно, румянец у покойника проступает. Меня всегда это поражало: не бледный, а с румянцем. И умирают, например, в Пасху, в большой праздник. Ну, что значит в Пасху? Сорок дней на Вознесение же будет. Волосы дыбом поднимаются, если раздуматься. На подъёме духовном Господь таких берёт.

Я глубоко убеждён, в Библии написано, что Господь посылает смерть в двух случаях. Или человек достиг для него возможной высоты, или опустил за ту планку, что уже не поднимется, будет ещё ниже опускаться и других ещё запачкает. И это всегда подтверждается, всегда.

Мой дядя, например, всегда хулил Бога. И умирал очень тяжело поэтому. Но когда ему уже совсем плохо стало (человек перед смертью открывается), он просил свою мать: «Мамочка, вымоли меня у Господа, вымоли меня у Господа. Господи, прости меня». И умер легко. А до этого, пока хулил Бога, очень страдал.

Вот тоже пример конкретный. У моей родной тети была свекровь, которая видела Блюхера, настоящей коммунисткой-интернационалисткой себя считала, коминтерновкой. И муж у неё был такой. Мужа я не застал, а её застал, она ещё была жива, хорошо её помню. Она стриженная всегда была. Её никто не заставлял, но она на все демонстрации всегда ходила. И свою сноху, мою тетку, она особенно не терпела за то, что та знала Бога. Даже когда на Пасху красили яйца, это был повод для того, чтобы начать хулить Христа. Тетка моя, её сноха, всё терпела, но однажды не выдержала и сказала: «Ты вот зачем это делаешь? Ты же специально меня злишь и надо мной издеваешься. Но ты же понимаешь, что будешь умирать, тебе же не избежать суда Бога. Зачем ты это делаешь? Вот Бог вытянет у тебя язык за это и будешь знать». Та что-то огрызнулась, эта замолчала, дошло до слез.

Лет через пять-шесть свекровь у тети умерла. А когда она умерла, мы пришли к ней на похороны. То, что я своими глазами увидел, на всю жизнь запомнил. Это страшно было видеть. У покойницы на глазах лежало два больших блюда, потому что глаза неестественно вывернулись. Язык вытянулся. Он был темно-синий, даже чёрный какой-то. Меня тогда напугала неестественная длина языка, я даже представить себе не мог, что язык может быть такой длинный. С моей тёткой было физически плохо. Она плакала: «Это ведь я напорочила, что я наделала, что сказала тогда». А на самом деле думаю, что Господь попустил так сказать. У неё сынок, воспитанный такими родителями, любил хулить Бога, любил выйти по пьяни во двор и свою жену гонять. Он выходил во двор, рвал на себе рубашку и начинал вот так: «А, комсомолка-богомолка...» Начало у него было такое, присказка. Но когда он увидел, что произошло с матерью, то больше никогда ничего такого себе не позволял. Говорил полушёпотом: «Это Бог наказал её». Сам прекратил богохульствовать и после этого надел крест. Потом уж, когда он умирал, с женой они повенчались, исповедовался, причастился, стал дома молиться – вот как его это потрясло.

Как помочь умирающему человеку? Что делать в первые часы после смерти?

Если говорить о душевном состоянии, то невозможно ничего здесь порекомендовать, чтобы утешить, направить. «Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих» (Прем. 1:13), – написано в Писании.

Смерть есть плод греха, действие греха. Грех – противоестественен, поэтому плоды его, в частности, смерть – противоестественны. Поэтому и болезнь – противоестественна. Зачем Христос исцелял, ведь всё равно умирать? Потому что это – противоестественно. И он убирал неестественные плоды греха, показывая, что истинная жизнь не в этом, она – другая.

К смерти человек не привыкнет никогда, не сможет воспринимать её спокойно. Я говорю об обычном человеке. Понятно, например, что монахи Киево-Печерского монастыря уже живём себя покойниками называли. Но это как мизерное исключение. А правило таково: это неестественно, поэтому человек никогда не сможет принять это.

Я вот сам о себе сказал: «Я не хочу жить, я устал», – это правда. Но сказать: «Я хочу умереть», если до глубины касаться, то это не так. Я не хочу жить этой жизнью, а не умереть хочу. Это не одно и то же. Потому что человеку умирать неестественно.

И хотя, конечно, здесь ничего не может помочь, никакие утешения, но когда мы знаем Господа, то из Священного Писания и какого-то опыта начинаем видеть и понимать многие вещи по-другому. Самое главное, что человек начинает молиться, налаживается связь с Тем, Кто есть источник жизни. От света тьма рассеивается. Смерть воспринимается уже по-другому, как другая форма бытия. Поэтому главное у православных – молитва. Это давно уже проверено. Как только человек умер, сразу открывают Псалтирь, зажигают свечу, начинают молиться.

Приведу пример из своей жизни. Пришел к соседям, там дед умер. Жена его, в первую очередь, заплакала. Понятно, всю жизнь вместе прожили, жалко. Потом она побежала к соседке, позвонила сыну, скорей воду греть, мужа обмыть, пока тело мягкое. Я зашел узнать, может помочь чего надо. Она сказала: «Да нет, соседка уже идёт. Сейчас обмоем, оденем, всё уже готово смертное-то, он болел давно».

За всеми этими хлопотами не было того, что было раньше. Мы не понимаем, как это было раньше, у нас почти умерла семья, у нас нет семей. А раньше что было? Семья – десять, пятнадцать человек. Вот кто-то умер. Кто-то обмывает, а кто-то уже встал Псалтирь читать, молитва уже идёт, свеча уже горит, уже идёт благодать. И поэтому совсем другое устройство было. Раньше, хоть и грешники, но люди были православно воспитанные в веках. Безбожников, особенно в простом народе, купечестве не существовало. Это после Петровского времени началось, с XIX века, безбожие. А до того времени дворяне, тот же Суворов, канон покаянный написал, на хору церковном пел, правда без голоса, без слуха. Тем не менее. Поэтому, в первую очередь, молитва должна идти, об этом нужно порадеть. Некоторые говорят, что по покойникам не читают родные-то. Не читают, потому что не знают, не умеют. А на самом деле, в Псалтири говорится: всякий благочестивый мирянин. Я знаю многих, которые сами молились. В первую очередь, надо начать молиться. Это – самое главное. Чтобы была благодать. Это реалии духовной жизни. Когда человек умирает, как собаки бесы сразу кидаются на его душу. Они живут только ненавистью, они питаются только злобой. И если они чувствуют, что человек этот их, как в саванне сразу на падаль падальщики бросаются. Если не их человек, то хоть в уныние, отчаяние вогнать стараются, хоть последний раз покусать. А слова Псалтири, мы знаем, – это слова Бога. Вот это и сдерживает их.

Если человека сразу увозят в морг, а потом хоронят: не обмывают, не читают молитвы, то это сродни иудинову предательству. Вот представьте себе: вы умерли, и родные скорее хотят от вас избавиться, а в это время нападение бесов. Именно в то время, когда ты больше всего нуждаешься в любви, выраженной в деле, тебя спихнули. Тут и так душа мятется, боясь суда Божьего, бесы нападают, и родные бросили. Кошмар! Давайте поставим себя на место умерших: всё, мы уже не нужны, нами брезгают, скорее хотят от нас избавиться, значит такими мы были, значит так к нам относились раньше, значит так мы нужны. Страшно!

Есть «Последование по исходе души от тела» – канон, который на поминках читают. Как только человек умер, его сразу начинают читать. После смерти нужно явить любовь к Нему, выраженную духовно в деле молитвы, а отсюда вытекает ещё один обычай. Христос при жизни говорил, братьями Своими называя нуждающихся, что если сотворили одному из братьев, значит сотворили Мне. Поэтому просили братьев Христа (нуждающихся), которые были ближе к Христу, их молитва сильнее, их слышит Бог, подавали им милостыню, не ради милостыни, а просили: «Помолитесь за нашего покойничка, помяните, ваши молитвы особо принимает Бог, вы – братья Его». Поэтому важны молитва и милостыня, но милостыня ради молитвы. А не просто так, как сейчас часто делают, детям конфетки раздают. Нет. Милостыня подаётся ради молитвы.

А всё остальное необязательно, это следствие нашей веры: мы знаем, что тела наши не вечно будут в земле, они воскреснут. Тело наше – сонаследник вечности души, и, если будем достойны Царствия Небесного, то будем и душой, и телом чистыми. Поэтому омываем, одеваем чистые одежды, хороним. Это является обязательным? Нет, это традиция. Она благочестивая, истекающая из духовных истин.

Но всё-таки мы знаем другую правду. Кто отошёл в вечность без этого приготовления телесного: волки разорвали в лесу, бомба разорвалась – в куски, – само это несколько не удаляет его от Царствия Божьего. Всё зависит от того, как он жил. Поэтому приуготовление тела – это не так важно. Помним, например, Зосима Марию Египетскую не обмывал, а только поправил одежду и пытался выкопать яму, тело предать земле. Может быть так: утонули люди, сгорели – от них ничего не осталось, они не преданы земле. Это не влияет на состояние души после смерти. Но если есть возможность, мы знаем, в Писании написано: «...ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт 3:19), то лучше тело предать земле. Совершить обряд не потому, что так положено, а потому что это напоминает слово Господа, что нам уходить из этой жизни и в землю возвратиться.

Какие действия должны совершать близкие усопшего человека?

Первое – это молитва; второе – милостыня; и третье – простить его, искренне, от души, чтобы он уходил на суд Божий без груза обид с нашей стороны.

Обязательно ли по усопшим читать Псалтирь?

Есть такая традиция и опыт: когда человек умирает, по нему читают Псалтирь. Там вставляется молитовка о душе усопшего: просим о его упокоении, прощении грехов, водворении в Царствии Божием. Когда человек только умер и душа исходит из тела, в это время бесы имеют возможность страха нагонять. Но если при этом рядом молятся люди, идёт молитва, то для беса молитва и ответная при этом благодать Божия становятся страшнее пожара.

Почему, в первую очередь, молятся об умерших на Псалтири? Возьмем, например, каноны, акафисты, утреннее, вечернее правило – эти молитвы написаны святыми людьми, учителями церкви.

Из молитвенных книг, которые есть в церкви, самая ценная, думаю, – Псалтирь. Почему? Это часть Библии. Псалтирь написана двумя авторами: первый автор, которому принадлежит большинство псалмов, – Давид; а второй автор – Дух Святой. Священное Писание – это коллективный труд Господа и Его избранника. Тут больше, чем просто творение святого. Тут есть слово Божие. И в слове Божиим поэтому всегда отражается слово и человека, и Господа. То есть и наше обращение к Господу и Его ответ. Это опытно издревле знали, поэтому, как только человек умирает, открывают Псалтирь, по Псалтири сразу молятся.

Как правильно держать траур по усопшим?

Держать траур по родственникам (траур – от нем. trauern «оплакивать» – форма внешнего выражения печали или горя по причине утраты близкого человека – ред.) – такой традиции церковной нет вообще. Есть местные народные традиции. Например, на Кавказе, если у матери умер сын (а у некоторых народов и шире: брат, мужчина), то женщина надевает черную одежду и носит её минимум год, а в некоторых местах всю жизнь. Есть народы Индонезии, где после смерти мужа или родственника, жена отрубает себе палец. Там можно увидеть женщин фактически без пальцев. Это диковатая, конечно, традиция, народная, ничего общего не имеющая с Православием, с правдой Божией.

У православных слова «траур» – нет. Вы обращали внимание, как мы хороним? Мы надеваем чёрные платки, что совершенно не православно. В корне не православно. А православно то, что в традиции церковной делается. В гроб в белом кладе, священники при отпевании в белом облачении, в котором на Пасху служат, в пасхальном. И если посмотреть на обряды отпевания, то это сколок с пасхальной службы. На Пасху в белом? – В белом. Со свечкой в руках? – Да. Почему? – Потому что у нас, православных, нет причины для траура.

Вот умер мой близкий. Но, он не умер. Это – неправда. Умерло тело, душа живая продолжает жить. Мы разлучились. С кем? С телом. А с душой – нет. Будем молиться, в молитве в единстве будем. Мы разлучились навсегда! Это – неправда. И с телом не навсегда. Второе пришествие Господа будет: тела воскреснут – и Его, и моё. Мы встретимся опять. Мы прощаемся на время, только на время. Он куда ушел душой и откуда? Он ушел из того места, где много плачут, туда, где не плачут никогда. Поэтому у православных нет традиции траура.

Есть традиция усиленной молитвы за усопшего. Умер, значит, наш долг молиться. А тем более первое время, когда человек ещё не похоронен, лежит рядом с нами тело его. Мы знаем, что при этом происходит. Нам открыто из опыта святых: в это время бесы искушают душу умершего. Они не врут, бесы, на мытарствах они говорят правду, но только о грехах. Ведь про каждого человека можно говорить правду, и это будет неправдой одновременно. Вот я про тебя говорю только хорошее или только плохое. Но ведь это – неправда. В нас же, на самом деле, и то и другое есть. Бесы смущают душу умершего, говоря правду о грехах, пугая тем, что хотя Бог и милосерд, но справедлив – по делам ввалит. И человек, когда умирает, душой в состоянии страха пребывает. Поэтому есть традиция такая, когда человек умер, у гроба, у тела сразу Псалтирь читают. Он душой здесь где-то рядышком, и молитва идёт. Молитва эта не даёт бесам подойти к Нему. Вот-вот. Выполняем свой долг – молимся.

Есть такая традиция: когда человек умер, приносим его в церковь отпевать, иконочку кладем на умершего; прощаясь, целуем образ. Потом эту иконочку на панихидный стол кладут до сорока дней. Это русская, очень хорошая традиция. Зачем мы это делаем? А чтобы себе напоминать о молитве за

усопшего. Это сейчас иконы бумажные, штамповки, а раньше это была дорогая вещь. Дома икону снимали с божницы, клали к покойнику, а потом в церковь на канон ставили, как напоминание. Дома молимся, а иконы-то нет. Она в церкви. Почему? Родной-то наш ушел. Что сразу будет в душе у верующего человека? Молиться за него надо. А в церковь идти? Обязательно, и в церкви за него молиться. В церковь прихожу – наша икона. Он нуждается сейчас в моих молитвах особо. После сорока дней эту икону забирали домой.

Поэтому у православных есть традиция после смерти близкого человека как минимум до сорока дней усиленную молитву за усопшего творить. Мы не можем в непрерывном напряжении быть десятилетиями, но нужно постараться первые сорок дней усиленно молиться. Когда меня спрашивают, я всем говорю: «Постарайтесь сорок дней быть в сугубой молитве за усопшего, а дальше потихонечку переходите к той мере, какой сможете молиться в ритме своих обычных дел. Но только, конечно, того, кто от нас ушел, не забываем, молимся».

А специальной традиции траура в Православии не существует. То, что до сорока дней чёрный платок надевают – это не православная традиция. Если надевать, то белый платок надо, и петь «Христос Воскрес», как мы, православные, и делаем на Радоницу. Идем в белых одеждах к могилам и поем «Христос Воскрес» на могилах. Не скорбим. По-человечески боль-то есть? А как же. А то, что теперь мы не вместе, так и с живыми бываем далеко. Но только они – с Господом. А мы не знаем, где будем. Мы не знаем, в раю или аду их души. Но знаем: за них есть молитва – мы молимся, надежда есть. А вот мы умрем, как ещё, что будет. Будет за нас кто молиться-то? Сомнения.

Как быть, если за живого человека подали записку как за усопшего?

Надо помнить, что Господь наш живой, живет, чем мы с тобою, неужели Он не знает правды? Если знаем мы, то Он уже и подавно. Давший ухо Сам не слышит ли? Давший глаз Сам не видит ли? Кто нас умом и чувствами одарил, у Него нет ли в квадрате разума и чувства? Конечно, Господь видит. Люди могут ошибиться, Господь никогда не ошибается. Никогда. Кто-нибудь знает такое имя – иеромонах Роман Матюшин? Современный поэт, музыкант, исполнитель духовных песен. В одной из песен он пишет, о чем он любит молиться и как: «Моё излюбленное чтение – канон на исход души», который читается, когда человек умирает. А он регулярно молится им. Регулярно себе напоминает, как он к смерти относится, – и он прав. В любой момент мы можем умереть, мы не знаем, когда это произойдёт. Нужно всегда быть готовыми, в любой момент. И что, если я проживу ещё десять лет? Что такое десять лет по сравнению с вечностью? Незаметный миг.

В моей жизни был такой факт. Говорит мне однажды женщина, в годах, добрая такая: «Батюшка, была в монастыре, далеко, вспомнила о Вас, записала на вечное поминовение. Мне хотелось для Вас что-то доброе сделать, чтобы молились. А приехав домой, опомнилась: за упокой Вас записали ведь там. Вас за упокой поминают. А туда поехать сейчас нет возможности, что делать?» А я ей говорю, улыбаясь: «Чувствую, что-то в последнее время поправляться стал, значит на пользу». Я её успокоил: «Мать, ничего не меняй, пожалуйста, ничего не меняй, пусть поминают за упокой. Жить сколько не знаю ещё осталось, а умереть точно придётся».

Пусть заранее молятся, пусть просят у Бога прощения мне и милости в день суда Его. Всё земное пройдет, а вот Суд Божий не миновать, пусть молятся за упокой. Господь всё знает, Его милость над нами всегда. Он не ошибется никогда, люди ошибаются, Бог не ошибается».

В своих проповедях Вы говорите о том, что наша молитва об усопших может им помочь. И подчеркиваете – с любовью. В какой форме может быть эта молитва в церкви, дома?

Это не я говорю, это церковь в веках говорит, мы знаем это опытно: молитва за усопших не бывает без ответа. В наше время, в которое живём, мы потеряли опыт и истину, у нас молитва за усопших понимается очень своеобразно.

Например, для многих это значит – пойти в храм, отдать деньги, написать на бумажечке имя, зажечь и поставить свечи, положить батон на канон и уйти с чувством выполненного долга.

А где здесь молитва, простите? Вот я – священник. Мне записочки передали. Что такое это имя на листочке? Ну, чернила на бумаге – вот и всё. Я понимаю умом, что за этими скучными буквами стоят души умерших, многие в страхе адских мук. Я это понимаю, но я это понимаю вообще. А если я пришел в церковь, и это – моя мама, или мой сынок, – это не вообще кто-то, а мой родной и близкий человек. Поэтому, когда я молюсь за своих, переживаю их, чувствую, а за чужих – я только стараюсь. Тут есть разница.

Мы знаем, что такое сила церковной молитвы, молитвы на крови Христа. Поэтому у православных как? В память усопшего мы собрались, пришли в храм. Служится литургия, мы молимся за него, и священник, когда его имя произносит, он старается, а мы без стараний молимся и болеем за него душой. И если он нам не безразличен, мы с любовью это делаем, на которую способны. У нас в сердце и уме добрая память о нём, страх за себя – тоже ведь умрем. Для того, чтобы Господь был милостив к нам потом, нужно быть милостивыми к другим сейчас – всё здесь связано, и в этом, конечно, сила.

Главное в молитве – не слова. У меня был сильный опыт, который меня поразил. Я узнал об ассирийской церкви Востока. Они считают, что в церкви семь таинств, но не таких, какие считаем мы. У них крестное знамение называется таинством. Мне это вначале показалось необычным, а потом раздумался: что такое молитва? Движение голоса, голосовых связок, но ведь на самом деле не это молитвой-то называется. И крестное знамение, это не движение руки, на самом деле, а что у нас внутри творится при этом. Так и здесь. Когда я крестом себя на крест кладу ради Христа, в ответ благодарную жертву Ему, созданием и чувством переживаю, – это одно. А когда просто руками машу – это другое. Поэтому здесь важно внутреннее переживание, а оно, если богоподобно, – в любви, только в любви. Только любовь пробивает границы между временем и вечностью, потому что Бог – это любовь. Только любовь спасает нас, только любовь держит нас в единстве.

И здесь ещё один важный момент. Апостол открывает нам тайну церкви, он говорит, что в церкви Христос – глава, Дух Святой – душа животворящая, а мы все – органы этого тела. Органы чем между собой соединяются? Единой кровью – кровью Христа. А если орган не просто бездушный, безликий, а это личности?

Что заставило Христа кровь пролить? Любовь к нам. Поэтому мы и за Христа, и за других любовью держимся. Бог не есть Бог мёртвых, но живых. Это для нас есть перегородки, для Него их нет, Он выше их.

Хорошо, когда мы любовью действуем, но не мечтательной, а деятельной. Мечтательная любовь – это вообще не любовь, мне кажется. Деятельная любовь для усопших, в деле выраженная, – это и есть молитва. А просто так батоны подавать, детям конфеточки раздавать... Господь, конечно, Он всё видит, видит желание, но всё это, языком современным скажу, малоэффективно. Должна быть любовь, именно выраженная делом. Для них это дело – молитва.

С любовью можно молиться за тех, кого любил при жизни, кого знаешь. А если по наследству остался список умерших людей, которых ты совершенно не знал при жизни, что можно сделать для их души?

Мне легче ответить на этот вопрос, потому что я – священник. Мне приходится поминать людей, которых я совсем не знаю. Ты вот хоть знаешь, что это твой прадед – это уже кое-что. А если не знаешь, то ещё сложнее.

Тут как? Понуждать себя. Святой праведный Иоанн Кронштадтский пишет в своих дневниках, что просто перечисление имен бездушное и со страхом за души тех, кого ты не знаешь, – здесь есть разница. Для меня эти слова святого Иоанна Кронштадтского сильны в этом случае.

Я не знаю, кто за этими именами стоит, но я знаю только одно: что, может быть, сейчас они в муках ада. Я знаю, что многие из них лучше, чем я. Для меня это очень важно. Они лучше, чем я, но они в аду. А я где буду? Поэтому мне страшно за них и страшно за себя. Я себе эту правду проговариваю, себя в эту правду ввожу. И молюсь уже насколько могу со вниманием, у меня не получается быстро имена произносить. Когда поминаю на проскомидии в храме или дома имена, то, проговаривая имя, стараюсь прочувствовать, что за этим именем стоит человек, живая душа, может томящаяся в аду. И поэтому появляется другое настроение, другие чувства.

Можно ли обращаться к усопшим родственникам с молитвой?

Это не православно – молиться усопшим родственникам. Мы не знаем, в каком состоянии они находятся, во-первых. И во-вторых, в этом нет нужды.

А кто из усопших достоин – святые, например, они нам помогают? Никогда. Ещё никому не помогли. Они молятся за нас, и Господь за их молитву помогает нам. Получается, что если они нам помогают, то опосредственно, косвенно. Источник силы Кто? Господь. Только Он. Поэтому, если я буду молиться Господу через святителя Спиридона или напрямую, результат будет один и тот же.

Могут ли мои родные: мама, отец молиться за меня? Такого вопроса нет. Напрямую обращаюсь к Господу, прошу. Для меня важнее не то, где они душами находятся, для меня важнее другое: я люблю их. И живых бы любил, а усопших, пожалуй, ещё больше любим. Я думаю не о том, как мне от них что-то выцарапать, как при жизни я их доил, так продолжать доить сейчас. Я думаю о другом: как бы мне им дать, а не от них получить. Они в чем нуждаются? В милости Божией. Значит, за них надо молиться. Не от них урвать, а им послужить. Кто духовно правильно рассуждает, у него такое есть желание и стремление.

Как узнать посмертную участь усопших?

Как молиться Господу, чтобы он открыл участь родителей после их смерти? Вот такой вопрос задают. А зачем это знать?

Я помню слова одной мудрой женщины, которая трудилась в трапезной, когда мы фильм о нашей церкви создавали. У нас там разномыслие было. Она послушала, послушала нас и сказала: «Вам сначала нужно вопрос себе задать. Вы этот фильм создаёте – зачем? Какова цель?»

Прежде чем что-то начинать делать, надо задать себе вопрос: «Мне это зачем?» Например, какова участь моих близких, родных, кого я люблю, после смерти? Зачем тебе это? Мы хотим некоего успокоения. Ну, порадоваться, что ли, за них. А нам полезно будет это таким, какие мы есть, несовершенным? Мы от этого не расслабимся? Скажем, ну эти уже, слава Богу, можно не очень заботиться. С Господом, слава Богу, хорошо, хорошо.

Нам хорошо, когда мы расслабляемся? Нет. Господь это втайне скрывает, чтобы нам не расслабляться. Мы не знаем полноты любви. Что это – любовь? У неё нет границ, перегоронок даже в виде смерти. Сильнее смерти любовь. Поэтому нам полезно и спасительно, чтобы мы не знали, чтобы всегда были в напряжении, в молитве. А молитва будет понуждать к любви к нашим близким, чтобы мы заботились о них.

Что такое рай и ад? Ад – это не место, где пребывают души умерших, и где будем мы. Это не место. Это состояние души. Когда человек, сбрасывая с себя телесные оковы, входит в безграничие вечности, он переживает, чувствует близость Бога. Вот я умер, душой вошел в вечность и чувствую Бога. Тут слово «чувствую» в кавычках. Можно сказать «вижу», «переживаю». Это всё слова – человеческие. Они не выражают глубины. И в зависимости от того, как я жил на земле, чем себя наполнил, что во мне живёт, это переживание Бога будет или невыносимой мукой, или всё переполняющей радостью.

В чем состояние райской радости будет? Всё большим и большим постижением и наполнением жизнью Божией и радостью. Поэтому, можно условно так сказать: есть ли в раю потолок? Притчеобразная фраза, конечно, аллегория. И быть не может. Поэтому, если мои близкие, за которых я сейчас переживаю, в состоянии райской радости, и, если я буду за них молиться, что будет? Всё больше и больше будут подниматься и наполняться радостью. Так это и надо мне делать-то. Это же мой долг по отношению к моим близким.

Поэтому мне важно, не в каком они состоянии, а что я должен делать, чтобы они испытывали радость с Богом. Поэтому, если Господь открывает или не открывает состояние моих близких, практически что это решает? Ничего. Я всё равно буду за них молиться, всё равно буду поднимать всё выше и выше своей молитвой, сделаю всё, на что я способен. Ничего не меняется практически. Господь не открывает состояние усопших на земле для большинства людей потому, что нам это не на пользу, и ни к какому практическому изменению не ведет.

Могут ли усопшие являться живым?

Нет, никто из умерших, самоубийц, не самоубийц, не могут являться и досаждать. Когда человек умирает, церковь свидетельствует: в человеке происходит атрофирование воли, человек сам уже ничего не может. Это уже как по течению, куда понесло – туда и поплыл. Кто жил в Боге на земле, тот будет расти в духе там, всё более и более исполняться радости в Царствии Божиим. Кто жил в грехе, будет всё глубже и глубже увязать в аду. Он не сможет ничего исправить. Поэтому и не является никто.

Говорят: «Умер муж, жена, сын, неважно кто, – явились, постучались». Это – ложь. Так не бывает. А ведь стучат! Стучат. И являются. Только не они, а те, кто через это хочет над нами что-то помудрить. Кто это? Бесы. Бес – он принимает вид и действия такие делает. Он с каждым работает индивидуально. Вот этот верит, что покойники могут приходить, так начнет на этом играть. Это будет раздувать. А этот верит, что вокруг одни колдуны. Ну и будут всячески на мозги ему капать, что везде колдуны. И так далее. Вот это его стиль. А сами по себе умершие не приходят.

Кроме искушений бесовских, бывает вот что: Господь, особенно через сон, даёт видеть умерших,

причем постоянно, постоянно. Это не умерший является во сне, а Господь даёт видеть образ его. Зачем? Чтобы нам понять, что мы в долгу пред ними. «Бог же не есть: Бог мёртвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20:38). У Бога все живы, только они по другую сторону жизни.

Вот я сказал: у них воля парализуется, они не могут ничего сделать. А мы? А у нас не парализована. Мы, если с любовью будем молиться за них, что-то можем для них сделать? Многое. Наша любовь аукнется в любви Божией. Господь начнет их поднимать. Молитва за усопших важна. Мы можем на них влиять. Они на нас – нет, а мы – можем, молясь об усопших. Когда Господь кого во сне даёт видеть, не человек к нам приходит, а его образ, как напоминание, что о нём молиться нужно.

Могут ли усопшие душой находиться рядом с нами, видеть и слышать нас?

Могут, но не все. Приведу слова апостола Павла, который говорит: «Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе. Так и при воскресении мёртвых» (1 Кор. 15:41–42).

Все встанут разными, это зависит от того, на каком уровне духовного совершенствования находится человек. Есть и такие, которых мы называем святыми. В силу своего совершенства, на которую они поднялись на земле, они могут душами быть (только не как Бог одновременно везде), а где-то тут, через почти неуловимую долю мгновения – в другом месте. Перемещаются в пространстве не как мы, духовно совершенно по-другому, но могут. А есть которые другого порядка.

Есть такой преподобный, на Украине церковью канонизированный, Лаврентий Черниговский. Он всех праведников делит на две части: есть спасённые, а есть помилованные. То есть те, которые достигли высокой святости, и те, которые стремились по-божьему жить, но святыми их назвать никак нельзя. Но они по милости Божией в Царствии Небесном сейчас. Но они не сравнимы со святыми: разный уровень, разный свет. Вот эти не могут быть.

Народная вера, что покойник явился, приходил ко мне – не соответствует действительности. Такая возможность бывать с нами есть только у тех, которые достигли самых больших высот святости при земной жизни. Обычно Церковь их распознает и называет святыми, совершает канонизацию, причисляет к лику святых. Это не потому что решили: давайте сделаем их святыми. Нет, а потому что увидели, поняли, как они высоко поднялись, какие возможности есть, значит точно среди святых. Поэтому не все среди усопших могут видеть и слышать.

Также разный уровень тех, кто находится в адских муках. Это понятно: от степени греховности каждого. Кто-то из них может испытывать какое-то облегчение. В житии Макария Великого сказано, что он услышал голос от черепа, который нашёл в пустыне (Господь сотворил такое чудо). Это оказались останки языческого жреца, который жил во времена гонения на христиан. Макарий Великий был человеком великой любви, он испугался за его участь и спросил: «Где же ты сейчас душой-то находишься, гонитель правды Божией. Его учеников на смерть обрекавший, наверное, в аду?» И тот ответил, образно, конечно: «Стою по шею в огне». Макарий, ужаснувшись, увидев какую Господь мзду воздаёт, воскликнул: «Есть ли муки более страшные?» И услышал ответ: «Стою на голове православного епископа и монаха». То есть те ещё глубже.

Кому много дано, с того много спросится. В Евангелии от Луки сказано: «...И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12:48.).

Маленького ребенка наказывают так, а не маленького по-другому. Священники всё знают, им нет оправданья. Поэтому языческий жрец стоит на голове православного монаха и епископа, те уже

там вообще, на дне. Макарий слышал голос от черепа: «Молись за нас, отец. Когда вы молитесь, особенно в ваш великий день (на Пасху), и нам какой-то свет бывает и отрада». Он это чувствует, а те, на ком он стоит, те не чувствуют ни света, ни отрады. Разный уровень духовного состояния и в Царствии Божиим, и в аду. И разные возможности потому у душ умерших. Кто насколько приблизился к Богу или удалился от Него.

Почему усопших поминают на третий, девятый, сороковой день?

Вечность – это отсутствие времени. Поэтому девять дней, сорок дней есть на земле, у нас. У них – нет. У умерших нет девяти дней, и сорока, и полгода, и года нет. У умерших времени вообще нет. Нет дней, нет лет – ничего нет. Поэтому для них, когда бы мы ни совершали поминовение, всегда – вовремя. Всегда – кстати. Для них, если земным языком говорить, всегда – сейчас. Время имеет значение только для нас, земных. За усопших мы молимся не для себя, а ради них. А для них – времени нет. Поэтому без разницы – когда. А для нас, земных, зачем церковь ввела правило поминовения на девятый день, на сороковой?

Почему сорок дней? Воскресший Христос Спаситель был на земле сорок дней и вознесся на сороковой день. В память об этом мы молимся на сороковой день об усопших.

Почему на девятый день? Мы знаем, что есть девять чинов ангельских. Мы хотим, чтобы наши усопшие были среди них. Учение о том, что душа умершего по мытарствам идёт, до девяти дней видит рай, после девяти – ад, не соответствует никакой действительности. В вечности времени нет. Там эти слова не приложимы.

Зная это, в церкви не акцентируется внимание на конкретном часе и дне. Вот, например, спрашивают: у нас родной умер, полночь была, это как считать, с какого дня? Без разницы. В церкви бывают периоды, когда нет поминовения усопших. Например, в Святки, в первую неделю Великого поста, Страстную и Пасхальную седмицы. А если у кого-то на эти дни память усопшего выпадет? Заранее делают, чаще всего, хотя и позже можно. Это нисколько не существенно. Но мы люди, нам это очень важно. Мне, например, день рождения в это число, но это не значит, что в это число мне стало на год больше. Ни в это же число год-то прибавляется. Каждый день 365 дней прибавлялось. Но для нас, людей, очень важны вехи какие-то, чтобы остановиться, раздуматься; нам, православным, Бога поблагодарить, в чем-то исправиться, отношения с людьми как-то переиначить, планки поставить – нам это важно.

Так и здесь, чтобы не забывать усопших: дни памяти, дни смерти, дни рождения, день ангела, девять, сорок дней – это чтобы нашу память через эти вехи собрать на них, чтобы любовь свою выразить им в виде поминовения о них.

Как часто нужно поминать усопших?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала перейти в реальности того мира, где пребывают наши усопшие. Там времени нет. Там вечность. Поэтому с точки зрения вечности, с их пребыванием там сейчас, для них не бывает много или мало, рано или поздно – это всё критерии времени. Это для нас есть – мало, много, рано, поздно. А у них этого ничего нет. Поэтому если говорить православно, тогда так можно сказать: как можно любить, чтобы не перелюбить лишнего, правильно любить-то? Не получится перелюбить: всегда мало будет. В Библии написано: «Не оставайтесь должными никому

ничем, кроме взаимной любви» (Рим 13:8).

Так и здесь, мои дорогие, если мы по отношению к усопшим не просто повинность исполняем, на работу молитвенную ходим изредка: лучше бы пореже, полегче бы лучше-то. Это один подход. А если с любовью стремимся, тут много не может быть.

У каждого свои возможности: один человек может быть очень занят или больной, или многодетная семья, или работа; а у другого – больше возможностей. Человек на пенсии, например, и уже сам на пороге смерти стоит: эх, мои близкие уже все там, скоро и я к ним, надо побольше молиться за них. Но только опять оговариваюсь: у Бога нет времени, Он вне времени, поэтому ни много, ни мало в данном случае не приложимо.

О себе скажу – по возможности. Я много раз говорил, вспоминая мою бабушку: она, когда садилась или вставала из-за стола (она была неграмотным человеком), благодарила Господа или молилась молитвой «Отче наш», говорила шиворот-навыворот, каждый раз одни и те же ошибки допускала, но неопустительно, до или после приема пищи, поминала усопших. Я спрашивал: «Баба, а что ты за живых не молишься?» – «За живых я молюсь, где-то они сами за себя молятся, а усопшие сами не могут, они больше нуждаются», – она так отвечала. А ещё так говорила: «В нашем роду из тех, кто ещё молится, я осталась одна. Они все на мне висят. О них надо в первую очередь позаботиться». Поэтому, по возможности.

Зачем нам это нужно? Чтобы человеком быть. Как говорят про Ивана, который не помнит своего родства? Плохо говорят. Свое родство надо помнить. Они – наши родные. Они – телом умершие, но не душой.

Господь говорит, что у Него все живы, у Него мёртвых нет. Если мы с тобой друг друга любим, какая разница в разных мы комнатах или в одной находимся. Это ничего не меняет: продолжаем любить, заботиться, помогать друг другу. Так и с ними. Это нам надо. Господь есть любовь. Когда мы о них заботимся с любовью, сами молимся или других за них просим помолиться, подавая милостыню нуждающимся, просим: «Помолитесь за наших усопших». А даже и ничего не говорим вслух, а только в сердце: «Господи, прими за усопших эту милостыню». Господь всё видит, у Него крыло мухи имеет вес. Господь всё принимает, если мы делаем с любовью. Бог есть любовь, в Нём аккумулируется наша любовь, и эта любовь направляется тем, кто её ждет, нашим усопшим. Вот для чего это нужно – для роста любви. Под ростом мы понимаем Царствие Божие – рай, значит для того, чтобы быть в раю.

Есть ли в православном календаре такие дни, когда усопшие не поминаются? Почему?

Воскресные дни, праздники, период святок, первая неделя Великого поста, страстная седмица, пасхальная седмица – в это время не поминают усопших. Только не потому, что их забыли или они стали для нас не главной темой. Не поэтому. Есть такой момент в церковном богослужении, например, на евхаристической молитве на литургии и на проскомидии, когда всё равно и в это время усопшие поминаются.

А почему нет поминания в обычном нашем понимании? В эти дни, праздники, воскресные дни, на Пасху, например, мы переживаем торжество жизни над смертью. Мы в это время особо и умом, и сердцем ощущаем: смерти нет, покойников не существует, есть те живые, которые перешли границу смерти тела, живые душой. Они будут живые и телом, когда воскреснут. Потому что в это время мы особо ярко переживаем жизнь тех, кого мы называем хорошим словом «усопшие», уснувшие, а не мертвые. Поэтому они в это время не забываются, мы переживаем их, как живых, такими, какие они

есть на самом деле, душами бессмертными. Не забыты они, а по-особому, по-новому пережиты, более духовно, более глубоко. В свете, даже если просто посмотреть на лампочку, всё вокруг слепит и ничего не видно. Когда Солнце правды видим – Христа – источник света, не видим тьмы совсем, ослеплены светом. Вот так духовный опыт. Если верить в Господа, это одна ступенька – низкая. Если знания головушкой приобретать, это ступенька повыше, но тоже ещё низкая. Если опытно душой пережить духовные реалии, постигнуть мир духовный, тогда становится понятным, почему за усопших не молимся, – они живы, нет нужды. Мы в это время переживаем вечность.

Что такое Пасха? Воскресение Христово. Мы в Нём, совоскресли уже с Ним, переживаем уже полноту Царствия Божьего. Смерть уже в прошлом. Мы уже в вечности. В этом смысл православного богослужения, во время богослужения мы касаемся вечности, как бы выходим за границы временные и видим их живыми. В литургии на проскомидии сохранилось поминовение усопших, мы молимся за них, переживая их живыми. Мы о них молимся, но только как за живых. Они живы душою.

Можно ли молиться акафистом «За единоумершего» за несколько человек сразу?

Лучше молиться об одном. Почему об одном? Хоть я и говорил, что умершего легче вымолить, чем живого, это я говорил общее правило. А вообще, среди умерших разные есть. Вот например, мне одна бабуля сказала: «Батюшка, не будешь смеяться? Мне Ленин снится (бабушка Псалтирь читает по усопшим) и говорит: «Ты ведь за многих молишься, за меня – ни разу, ну хоть разочек за меня помолись, я тоже крещёный». Я проснулась, у меня волосы дыбом встали. Ну, правда, крещёный он, а я ни разу не помолилась. Господи, что это? Как это понять? Записала в поминание – Владимир. Как Господь примет. Я – всем сердцем. Хоть была бы праведница великая, а то ведь грешница, а послушаться-то боюсь». И Ленин, и Иуды, и другие по всякому называемые, много всяких среди наших. Мы сами знаем, какие мы.

Церковь – один организм, одно целое. Вот, например, порезались, организм себя лечит. Если один порез – это одно, а если небольшие порезы по всему телу наделаю, – сложнее, дольше, ещё не известно, чем всё закончится. Вот так и здесь, лучше так поступать: если есть желание за многих молиться, то в эту субботу одного поминать на акафисте, в другую субботу – другого.

Как молиться за усопших, умерших без покаяния?

Очень часто приходится видеть, как люди очень расстраиваются после смерти близких людей, если те не знали Бога, умерли без покаяния, без причастия. Близкие, родные, которые Господа знают, не могут не переживать: куда они пойдут-то? И стараются хотя бы перед смертью повернуть к Богу.

Порой мы это делаем так, что только раздражаем близких нам людей, больше вреда несем, чем пользы, и ещё больше закрываем их для Бога. Понятно, что потом в душе будет, – всё испортили. Это, конечно, больно бывает.

Мне приходится говорить такие слова: «Когда человек жив: больной, при смерти, но живой, в нём Богом данный дар свободной воли имеет место быть. И, например, я своими делами, словами, любовью, молитвой хочу его подвинуть ко Христу, спасению, радости. А он своим устройением, своей свободной волей тянется в другую сторону. Для меня лично это похоже на игру по перетягиванию каната – кто кого перетянет. Ещё не понятно, кто из нас сильнее. Не знаю, я ли его к Богу подвигаю

маленько, или он меня стаскивает. Это так о живых молиться.

Вот человек умер. Что происходит с человеком, его духовным состоянием? Воля уже не проявляет себя. В человеке свободы выбора уже нет. Что ранее посеял, то и получает: или радость с Господом, или – муку. А если муку? Свободной воли он теперь не проявляет. Что это значит? Если я буду стараться о его спасении и буду тянуть его, он сопротивляться уже не сможет. Действие только в одну сторону – только я тяну. Но я что смогу сделать для него, он же уже умер? Мы, православные, знаем – молиться нужно. Вымолить душу усопшего легче, чем вымолить живого. Поэтому когда наши близкие умерли без покаяния, причастия, то надежда у нас при этом не умирает. Мы знаем, что ещё ничего не потеряно. У нас есть возможность, если мы с любовью будем молиться за них, то сопротивления не будет, мы сможем их поднять.

Я сталкивался с такими фактами, когда при жизни о человеке много молились, старались по-доброму сказать ему что-то, как-то повлиять, каким-то примером добрым зажечь, но результат порой был нулевой, а порой даже становилось как бы хуже. И приходилось видеть, что когда люди начинают молиться за усопшего, Господь такие вещи открывает, что просто на изумление.

Мне никогда не забыть одного молодого человека. Он приехал в церковь и сказал, что у него умер папа. И хотя он был крещёный, это только одно название, что крещёный. Сынок обратился к Богу, а отец – нет. И он очень переживал за состояние души отца. Он проговорил: «Я понимаю, что с отцом. Я очень переживаю за него. Я покоя лишился. Мне плохо. Не могу жить, как жил. Я старался его обратить, но...» И я ему сказал о том, что всегда есть шансы, – давай молиться. Он начал молиться. Я не помню, сколько он молился. В следующий раз он приехал в нашу церковь и сказал: «Батюшка, мне приснился отец. Как будто он ещё живой, когда болел. Я пришел помыть его с большим желанием. Я был рад, что он живой, что я могу ему послужить. С такой любовью мыл его. Положил на постельку чистенького. Так мне хорошо: папе послужил опять. Потом повернул его набок: одна половина чистая, а другую грязной оставил. Я во сне догадался, что это значит, и проснулся от этого. Наполовину только вымыл, наполовину. Сразу понял, что это значит». Господь ему вот такое утешение показал, что его молитва имеет действие. И он этой радостью приехал поделиться – половину значит сделал. Теперь молитву с надеждой буду совершать – домою папу своего. Этот важный момент я хотел сказать для нас, живущих. Чтобы мы сильно не расстраивались, когда умирают близкие, не готовые к вечности, мы остаемся здесь, мы можем сделать для них то, что можем. А значит – должны, а значит – будем.

Как молиться за умерших некрещёных младенцев?

Когда мы молимся об усопшем, что мы просим у Господа? Простить его согрешения, вольные или невольные. Какие у него, ребенка, прегрешения? Например, во время родов помер. Никаких. Мы просим: избави от муки геенской. Он может быть в аду, никакого зла не совершив? Нет, хотя некрещёный младенец не будет на той духовной высоте, как умерший крещёный младенец. По Лаврентию Черниговскому, у всех разный уровень духовный. Одна высота у херувимов, другая у серафимов, ближе всех к Господу Михаил Архангел. Но только скажу словами Христа, что последний в Царствии Божиим счастливее, чем самые богатые на земле.

В чине отпевания младенцев ничего не сказано, как в обычном чине о прощении грехов. Там только одно: свидетельство, что ребенок наследует Царство Небесное. Только об этом: и Евангелие, и молитвы – только об этом. Поэтому за него не стоит переживать, а вот за себя, тут есть о чем подумать. А за них только радоваться: слава Богу, ушли в вечность, в отличие от нас не набултыхались в дерьме. За них порадоваться можно.

Можно ли в церкви помянуть некрещённых усопших?

Тут один очень важный момент, который бы хотелось оговорить, который современные люди не все понимают. Кто читал послание апостола Павла, тот знает, что он сравнивает церковь с телом Христовым. И он говорит, что в этом теле глава – Христос. Тело без души называется словом «труп». Церковь – живой организм, душа есть, поэтому Дух Святой – животворящий. А мы кто? Разные органы этого тела. «Тело же не из одного члена, но из многих» (1 Кор. 12: 1), – пишет апостол Павел. И он при этом не говорит, что нет низких и высоких органов. Ты кто? Ты – глаз. Прекрасный и нужный орган. А я кто? Прямая кишка. Ну как ты без неё жить будешь, глазик, без прямой кишки? Никак. Ну вот. Мы друг дружке нужны. Прекрасно. Все нужны. Органы все нужны, органы разные важны. В Церкви, как и в организме, всё животворится и действует Святым Духом. А в нас всё душой животворится. Так? Так.

Господь Ною завет даёт: «... всё движущееся, что живёт, будет вам в пищу: как зелень травную даю вам всё: только плоти с душою её, с кровью её, не ешьте» (Быт. 9:3–4). Поэтому православные никогда не вкушают кровь. И если, готовясь к исповеди, вспомним, что был такой грех, – каемся. Гематоген и тому подобное не вкушаем и детям не даем. Поэтому и женщина во время женских дней, в состоянии крови, не касается святыни. Мы это помним. Кровь все органы соединяет между собой. Поэтому и этот орган и другой между собой связаны – одна и та же кровь циркулирует. Если я порезал пальчик и не заметил, продолжаю что-то делать, а он у меня и зажил сам по себе. Не сам по себе, нет. Это весь организм в целом его лечит.

Вот так в теле Христовом, в Церкви. Один орган может влиять на другой. Поэтому мы не просто молимся, а молимся в крови Христа. Мы знаем, как это важно: не только помолиться дома, но и прийти в церковь, на проскомидию заказать – кровь Христа будет действовать. Не просто моя молитва, просьба, кровь Христа будет циркулировать и во мне, и в нём. Это совершенно другая молитва. Мы опытно знаем, что это за разница, поэтому так дорожим церковным поминовением во время проскомидии, на литургии. Мы понимаем, что там частичка вынимается, опускается в чашу, освящённую кровью Христовой. Это не просто так, это не театр. Это реальные действия благодати крови Христа, всё освещающие и преображающие.

Поэтому один палец может другому помочь, если одна кровь циркулирует. Церковь молится за крещённых не потому, что других не любит, потому что у нас с вами одна кровь – Христова – циркулирует в нас. Если человек некрещённый, это то же самое, что взять отрезать палец. Я уже не могу на него влиять, и он на меня тоже. Поэтому за некрещённых церковь не молится. Не потому, что не любим, не потому, что презираем, не потому, что откидываем, а потому что нет сил, это выше наших возможностей. Мы мало что можем, Господь может силой Своей крови. Нет тут общей крови. Поэтому церковь не поминает некрещённых, за некрещённых нет молитвы.

Есть такая традиция, многие старцы учили, подавать милостыню. Как Господь примет, ничего заранее себе не рисуя, не придумывая. А молиться – никак. Отсюда, кстати вывод. Какой? Если у нас есть близкие некрещённые, надо порадовать, чтобы они были крещёнными.

Недавно был такой факт. Знакомых увидел, говорю: «Маленького родили. Окрестили уже? Кто крёстный?» Отвечают: «Вот из-за крёстного и не окрестили. Он не смог приехать. Сказал летом приедет». Я напугался: «Как летом? Сейчас зима, а тут – летом. Как это? А ребенок-то ваш». – «Летом окрестим». – «Да вы что? Послушайте, что вы говорите.

Ваш ребенок будет все это время в барокамере? Нет, он будет в мире. На него будет влияние всякое оказываться. Кого? Всех и всего. И нечистого духа, в том числе. Как так можно? Пусть они его грызут. Пусть всякие влияния на ребёнка идут. Ни в коем случае. Ребёнок из материнской утробы

сразу в купель – прыг. Вот это православно». У меня жена, волевой человек, мягко так скажем. И она говорила: «Так, живём в татарской деревне, детей здесь рожать не буду, уеду на родину, в Ульяновск». – «Хорошо. Но тогда у меня тоже будет условие». – «Какое?» – «Привози их уже в крестах домой, чтобы из роддома сразу в церковь». И она так и делала. Из роддома выписывают, садятся в машину, в церковь едут, окрестили, потом только домой приезжают. Так должно быть. Тогда не было бы у нас некрещёных-то. Это очень важно. Ну, а кто взрослый некрещёный, мы, конечно, должны рассказать, поделиться той радостью, тем счастьем, которое есть у нас. Не надо таить. Пусть они тоже будут счастливыми.

Почему в Церкви не отпевают самоубийц?

В Европе сейчас уже не говорят, а прямо действуют, законы пишут: человек имеет право на самоубийство и на убийство близкого человека. Причем, законное право. За это не только не наказывают – это законом прописывается. Если сказать «самоубийство» – слух режет, поэтому называют латинским слово «эвтаназия». Вот человек больной – он имеет право на самоубийство. Если он подпишет бумажку, врачи должны сделать инъекцию. Всё, конец. Право на самоубийство.

Мы знаем, православные, что такое самоубийство?

Почему в Церкви не отпевают самоубийц? Полицейская мера, чтоб люди этого не делали? Нет, это не путь церкви, полицейские меры. Почему в церкви не отпевают? Нельзя. Почему нельзя? Потому что бессмысленно. Человек самоубийством отрекается от Бога. Он сам себя без суда Божия сваливает сразу в ад. Люди, которые бегают к архиереям и выпрашивают отпевание самоубийц, не понимают, что делают. Самоубийца уже – в аду. А во время отпевания что делаем? Молимся, чтобы Бог простил. Но он в аду уже. Бессмыслица. В постхристианской Европе теперь человек имеет право на самоубийство, а значит, имеет право уходить в ад. Вот так. В бывшей христианской Европе люди имеют право быть наследниками ада.

Какие суеверия связаны с обрядом погребения? Как к ним относиться?

С основными кардинальными моментами бытия связана масса суеверий, с основными вехами жизни человека: с рождением, со вступлением в брак и со смертью.

Вначале скажу, как к этому относиться. Знать правду. Если читать Евангелие, настоящие православные книги, особенно символические: катехизис, учение православной церкви, где четко расписана правда церковная, опыт церковный, то места для суеверий не останется.

А суеверий каких только нет. Когда я только начал служить, однажды меня среди ночи разбудили, люди трясутся в кошмаре, на полном серьёзе, страшно напуганные:

– Батюшка, что мы наделали, как нам сейчас быть, ну посоветуйте хоть что-нибудь, мы главное не сделали, что теперь делать, караул, мы не знаем.

– А что случилось?

В общем, было отпевание, они ждали приезда родственников и просили отпеть, а потом похоронить. Я сказал:

– Можно, так делают, только пока земелькой не будем посыпать, потом посыпьте и молитву в руки покойнику вложите перед тем, как гроб крышкой закрыть. Они сказали:

– Хорошо, хорошо.

И они всё забыли. И закрыли, и закопали, а потом вспомнили: «А молитва-то с землей дома». Они и говорят:

– Мы землю то отнесем, высыпем, понятно, а пропуск-то. Мы пропуск ему в руки не дали, покойнику-то.

– Какой пропуск?

– Батюшка, ну ты что какой, ты молитву читал за покойника-то (про разрешительную молитву говорят). Ты нам дал бумагу, сказал: в руку положите, а мы забыли пропуск-то. Дома остался, его там не пустят теперь. Что делать-то теперь? Он там теперь один, не пускают. Что делать-то, раскапывать заново, в руку класть?

Да, это было очень сильно. Мне пришлось им объяснять, но это было очень трудно. Пришлось им сказать, что вообще эта разрешительная молитва по усопшим только в русской церкви существует, она связана с именем Феодосия Печерского, и у многих других православных народов этого нет.

И если строго судить, то эта молитва вообще под вопросом, её лучше совсем не совершать. Сейчас уже это не представимо: как без неё? А там написано ведь как: что если ты связан священническим каким-то благословением, то тебе – разрешаю. По церковным правилам священник не имеет право снять благословение другого священника, оно не действенно. Архиерей только может. То есть молитва антиканоничная в корне, если вникнуть в смысл. Об этом многие говорят, но традиция такова, что себя уже без этой молитвы не мыслим: а как без пропуска-то? Это даже многие священники в ступор встают: как без этого-то!

Или вот такое суеверие. Когда человек помер, поминки нужно совершать на 40 дней, день в день. Когда начал в Болгаре служить, объяснял, как должно быть по церковным правилам, т. е. если с воскресеньем совпадает, церковным праздником, святками, например, тогда можно заранее. Не соглашались. Мне две бабушки-соседки прямо в глаза сказали: «Это ты сейчас придумал? Где написано? Покажи!» Тогда начинаю объяснять, что время есть у нас, там времени нет, нет ни сорокового, ни двадцать пятого дня, там времени нет вообще. Это время нужно нам, не им. Там никогда ни рано, никогда не поздно, там всегда вовремя.

Или другое. Когда человек помер – воду наливают в стакан, кусочек хлеба кладут и до сорока дней всё это держат. Спрашиваю: «Зачем? Это что такое?» И не все уже могут объяснить зачем, так всегда делали. А это чисто языческое явление – кормить душу усопшего, чисто славянское язычество.

Помню: раз на дом пришли люди, тоже в таком ужасе. Говорят: «Мы, батюшка, заочно отпели и молитву вложили, и землю насыпали, потом только вспомнили: мы руки развязали, а ноги-то не развязали. Как он там теперь со связанными ногами-то, а? Что делать-то? Может заново раскапывать, тогда переотпевать что ли?» Приходилось с такими явлениями сталкиваться не раз и не два.

Ещё с таким суеверием на поминках пришлось столкнуться. Говорят: «Это кто вам сказал, картошку сделали на поминках». Я первый раз услышал и подумал: «А почему картошку нельзя?» А потом раздумался: картошка появилась при Петре I, до этого её просто не было. Не было поминок с картошкой, потому что картошки не было. В это же время слом шел большой – старообрядчество, оно было очень сильным, и ничего новое не принималось, как греховное и порочное. Значит и нельзя, если её раньше не было.

Суеверий много. Но вообще церковная традиция такова, что отпевание не является обязательным. Я знаю, что многим, это будет сейчас казаться странным. Но православная традиция такова. Отпевание – это одна из форм молитвы за усопшего. Молиться нужно за усопшего? Обязательно. Конкретно формой отпевания? Необязательно. Но если кого-то смущает это, отпевайте, пожалуйста. Это форма молитвы, поэтому можно молиться не раз и не два.

Можно ли принимать за истину описания рая и ада людей, переживших клиническую смерть? Что в большинстве своем они видят?

Мир духовный совершенно отличен от мира материального, видимого. Люди, пережившие клиническую смерть, рассказывают, что они видели. Господь дал им нечто как бы увидеть, некую притчу, на которую не стоит обращать внимание по конкретике, а только сделать общий вывод. Если таких людей послушать, в их рассказах будет прослеживаться разногласие. Одни говорят, что только рай там есть, ада нет. Другие рассказывают о всяких нечеловеческих пытках в аду, Бог там измывается над людьми. Всё, что они видят, – это притча, аллегория. Это та форма, которой Господь свидетельствует о вечности. Главное не это, а какие из этого нужно сделать выводы: что вечная жизнь духовная существует, раз; что она двух видов: это или мука, или радость, два; за то, что мы здесь натворили, наделали, отвечать придётся, три. Господь даёт это как бы провидеть некоторым, Он нас предупреждает. Зачем? Ну, наверное, чтобы не попали в муку, чтоб знали дорожку-то, чтобы выводы правильные делали, вот это четвертое. Вот выводы главные, а остальное – это притчеобразно.

Нужно ли на могильный крест помещать фотографию?

Если говорить конкретно о том месте, где мы с вами находимся, о среднем Поволжье, городе Болгаре, некогда Великом Булгаре, то в отличие от Киева, Москвы, Питера, Новгорода, где православие появилось поздно, здесь оно появилось ещё в IV веке. Очень рано.

Его принесли сюда славяне так называемой именьковской археологической культуры, которые в свое время входили в состав готов в Северном Причерноморье (территория нынешних Донецка, Луганска). Во время своего нашествия гунны учинили здесь страшный погром. Многих уничтожили, истребили, некоторые бежали. Многие из этих славянских племен (так называемая черняховская археологическая культура) пришли на Каму и Среднюю Волгу. Когда они жили в Северном Причерноморье, среди них было около 30 % христиан. Здесь, на Средней Волге, археологи нашли только 15 % могил христиан.

Славяне хоронили покойников головой на юг, а православные христиане лицом на восток. Язычники-славяне в основном сжигали тела умерших, у них было трупосожжение, а тут – погребение. В языческом мировоззрении было вот как: та, загробная жизнь, похожа на земную, поэтому всё земное нужно. Язычники клали в могилу что? Да всё клали: и украшения, и инструменты, и собаку зарежут, и котелки, и всякие горшки. А в христианских могилах ничего этого нет. Как говорит Господь: «Царство Божие не пища и питие, но праведность и мир, и радость о Святом Духе» (Рим. 14:17–18), – ничего материального там не надо. В то время христиане не носили крестики, даже этого не было. Хоронили без одежды даже. Почему? В IV веке ещё была жива память о Христе, об апостолах. Христос как был похоронен? Его раздели, ароматными маслами умастили тело и завернули в саван. Так и апостолов хоронили. Первые христиане хоронили в библейской традиции – вот так, без одежды. В некоторых могилах находят обычно три горшочка: воду, елей (растительное масло) и вино. Вода – крещёный, елей – помазанный в таинстве Елепомазания, и что он причащался – вино. Как свидетельство, что он христианин. И таких могил в наших краях с IV века 15 % набирается в отличие от других.

Что было на могилах? Ничего. А кресты? Не было крестов. И фотографий не было. А потом мавзолеи, храмы строили на могилах. Но это потом. Тогда ещё не было ничего. У Христа что было на могиле, у апостолов? Ничего. Поэтому вообще-то православным вот так бы хоронить.

Но потом исторически, со временем, складывались традиции. Это – не закон, это – жизнь. Я иду на кладбище, там мои усопшие. Я их любил и продолжаю любить. Мне их не хватает? Конечно. А у меня есть надежда? Да, у православных есть. Я знаю, что они воскреснут. Мы встретимся опять. Мы разлучились, но не навсегда. Это надежда выразилась в чем? Что мы стали хоронить покойников лицом на восток. Когда Христос придёт второй раз в этот мир, с судом Своим, то придёт с высоты востока.

В ноги покойникам ставят крест. Для чего? Он жил верой в Распятого, искупившего его грехи, потому и ему надежда на спасение есть. Это покойнику нужны кресты? Нет, нам, живым. Это для нас делается, не для них. Им ничего не надо, совсем. Это для нас, чтобы нас правильно настроить. Я вот прихожу с надеждой, что его увижу. Увижу-то, увижу в день суда Божьего, а потом? Он может среди спасенных будет, а я? Что мне нужно, чтобы нам быть вместе? Крест указывает – жизнь с крестом и со Христом. И смотреть-то на восток духовный, ждать Христа и жить со Христом. Вот это о чем. Это не для усопших нужно, это – для живых.

А поэтому для живых правил здесь нет. Можно сделать так, как лучше для духовного переживания, для духовного чувства, для правильного духовного отношения. Тут свобода действий. Есть общецерковное правило, звучит оно так: «В главном – единство, во второстепенном – свобода, во всем – любовь». В Библии, в послании апостола Павла, написано, что спрашивали его о том, можно ли поедать жертвенное мясо. Язычники приносили своим богам жертвы. Кусок они сжигали – богам посвящали. Остальное, считалось, тоже какую-то магию в себе несет, – оно же богам посвящено. Поэтому думали, что когда это поедали в праздники, то исполнялись какой-то благодати. В большие праздники, например, у греков, очень много животных приносили: овец, быков. Куда мясо девать? Лето, жара, холодильников нет. Поэтому продавали на рынке, как можно дешевле, а деньги – в языческий храм. В праздники особенно те семьи, которые жили победнее, покупали мясо подешевле. Поэтому празднику по-человечески радовались. Есть возможность мяса купить подешевле, но ведь оно посвящено этим идолам. Не грех-то в этом участвовать? Христиане были не все богатые, в основном – бедные. Апостола Павла спрашивали об этом. Он отвечал, что никаких ложных богов не существует, есть Бог один только, истинный, а это всё сказки, ложь. Да нет там никаких богов, так поиграли, как глупенькие, и всё на этом закончилось. Поэтому не добродетель и не грех это мясо есть, если не исполняешь языческие ритуалы. И апостол Павел говорил, что можно это мясо есть. Покупайте, ешьте с Богом, только всё освятите молитовкой и крестным знаменем – всё можно. «Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных, – дальше пишет он. – ...И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего» (I Кор. 8:9,13).

В современных погребальных обрядах нет правил, свобода, самое главное был бы мир среди родных.

Относительно фотографий: если повесите – не погрешите. Человек есть икона Бога. Образ Божий. Понятие «образ» по-гречески «икос» – икона. Что такое человек? Первая нерукотворная, Богом созданная, икона. Поэтому повесить на кресте икону Бога, в виде фотографии человека, это православно, хотя не является обязательным.

Мы с вами потомки, в основном, каких слоев населения? Как в песне поется: вышли мы все из народа, дети семьи трудовой. Сколько из нас потомков графов и баронов? У наших предков какие могилы были? Земляной холмик да деревянный крестик, хотя в древней церкви первые христиане совсем без крестов хоронили. И в наших краях до IV века включительно. А потом появились кресты и традиции разные были. В Армении по сегодняшний день стоят хачкары (дословно «крест-камень» – вид армянских архитектурных памятников и святынь – ред.) – это каменные, специально вырезанные кресты. Вот другая традиция. Поэтому неважно как сделать, важно, чтобы это вело к правильному переживанию духовному.

Каково православное отношение к кремированию умерших?

Я знаю, что сейчас в Греции это муссируют, но форма погребения не догматизирована, нет принципиального «за» или «против», однако существует традиция. Какая? Мы знаем, что тела воскреснут, поэтому для нас не просто тела. С чем мы, православные, сравниваем тело человеческое? Как, например, гусеница превращается в куколку, а потом в бабочку. Какое отношение к этой куколке? Это нечто, из чего выйдет бабочка с крыльями, красивая. Гробы ведь это у нас, в нашей полосе делают, это не общехристианская традиция. Вспомним, как раньше хоронили? В восточной традиции – саван. Кстати, в Крыму у нас многие первые проповедники, епископы, были из Иерусалима. И потому там, на юге, среди предков нашего народа, которые входили в готский союз, первые христиане были похоронены без гробов, по иерусалимской традиции – в саване. Заматывали, как в кокон. Это не потому, что так надо, а как напоминание, что как из кокона выходит красивая бабочка, с крыльями, летящая в небо, то это ждет и нас – небо, новая красота. Поэтому в погребении в землю, омовении, в саванах есть некий смысл, говорящий о вечности в христианском понимании, а в кремировании этого нет.

Мы, православные, осознаем, что Христос воскрес телом, что тела – наследники жизни вечной, поэтому для нас тело умершего – это не костюм, который человек снял с себя в момент смерти. Вот есть у буддистов такое понятие, как костюм сняли – и всё. А у зороастрийцев (зороастризм – очень древняя религия, названная по имени своего основателя пророка Заратуштры – ред.) вообще тело – это скверна, они тела не хоронят в землю, а кладут их в Башню молчания (погребальное сооружение в зороастрийском религиозном обряде – ред.), чтобы птицы их расклевали, чтобы не оскверниться.

А мы знаем, что это не так, что тела – наследники вечности, поэтому имеем к ним особое отношение. Тем более что у тех, кто достиг высот святости, и тела-то другие, нетленные. Поэтому у нас есть почитание тел умерших. Пасха – празднование воскресения тела Христа, душою-то Он как Бог бессмертен. Память святых, например, перенесение мощей угодников Божиих. Канонизация – открывание мощей – почитания тела усопшего человека. Ну, представьте себе, какого-то угодника Божьего, его при жизни таким не считали, кремировали, а потом засвидетельствовали, что он – святой, а его мощи сожгли.

Всё-таки прямого запрета нет, сказать, что это влияет на душу, нельзя сказать, но если быть православным, то православие должно выражаться во всем: в одежде, походке, голосе, во взгляде и в форме похорон тоже. Поэтому для православных всё-таки ближе погребение в землю, тем более что и для нас, живых, это имеет значение. Когда мы идем на кладбище, мы видим: покойники лежат лицом на восток, крест на могиле – это всё о чем говорит? Почему на восток кладем? Потому что они воскреснут. Как солнце с высоты востока придёт Христос второй раз. Почему крест? Потому что для них есть возможность воскресения в жизнь вечную, а не в муку вечную, если они жили силой распятого Христа. Это ещё для нас имеет значение большое. А когда мы относимся к телам, как к мусору, понятно, – это не православно.

Есть такое мнение, что после смерти люди находятся как бы в состоянии сна, так ли это?

И да, и нет. Кто отошёл в вечность отсюда уже в состоянии предчувствия рая, и чем сильнее это, тем больше в нём именно свободы раскрывается. Но свобода не в смысле анархии, вседозволенности в нашем земном, ложном понимании, а в смысле свободы выражения в любви. То есть свобода, направленная лишь на благо. Не в смысле твори, что хочешь. А в смысле ничего не хочется, кроме блага, любви.

Для тех, кто в предчувствии ада сейчас пребывает, вот о них так можно говорить: в зависимости от степени падения о степени связанности воли. Поэтому, например, во время Ветхого Завета, до пришествия в мир Христа, вечность называлась шеол (обитель мёртвых в иудаизме – ред.) на языке библейском, страна забвения, полусон, кисельное состояние, даже у праведников. Одебелевшее от греха естество не могло принять Бога даже у праведников. Только после жертвы Христа, преобразования во Христе праведники получили восход, а до этого пребывали в таком состоянии. Это можно назвать страной забвения. В Библии написано: «Не мёртвые воспевают Тебя, Господи» (Пс. 114), то есть все мертвые. В то время – да.

Для тех, кто в состояние ада войдет, связанная воля будет источником муки. Желания греховные сохранятся, например, я люблю изысканный извращенный блуд, но тело-то будет другое, возможности удовлетворить не будет, а жажда этого будет. Я люблю обожраться, а тело не сможет принять еду, её и не будет. Возможности удовлетворить не будет – это тюрьма. Желание есть, возможности нет. Для меня удовольствие – осуждать всех. Тогда не будет возможности осуждать. В раю – все вместе. В аду – все порознь. В аду не будет кучки грешников, каждый сам по себе – отдельно. Слово «ад» переводится, как тюрьма. Как камеры-одиночки, так можно сравнить. Никого не вижу, значит, и осудить не смогу. Желание есть, а нет возможности. Это, как например, если меня парализовало, я лежу, чувствую: перележал бок, а повернуться нет никакой силы, и некому помочь. Или чешется, а почесать нет возможности. Такое состояние нескончаемое, оно не усиливается, но не удовлетворяемое, поэтому страшно.

Каково православное отношение к реинкарнации (переселению душ)?

В древней церкви и новой церкви всегда были, есть и будут отдельные личности, которые выдумывают всякие ереси. Вот в наше время, например, в Сибирь ушел Вова Топорков, Виссарионом себя назвал, и тысячи с ним ушли, в Минусинскую тайгу. Он себя называет Богом, вот так, без лишней скромности. Постоянно откровения какие-то даёт. И за ним пошли толпы. Он не всех берет, только богатых. Обязательным условием является то, что нужно всё продать, деньги ему отдать. Желających много. Сейчас, правда, поубавилось. Он много чему учит. Там послушать, не только перевоплощение душ, реинкарнация, там ещё много чего услышишь. Таких много было, есть и будет всегда. Но это всё не в церкви, а те, кто откололся от церкви. А в церкви никогда такого не было. В Библии четко написано: «И как человекам положено однажды умереть, а потом суд» (Евр.9:27). Слышите как? Смерть, потом Суд Божий – всё. Никаких перевоплощений не бывает. Христос сказал: «По плодам их узнаете их» (Мф. 7:16). Кто на ухо шепчет нам? Грешни, грешни, потом будет возможность. Чей шепоток-то? Вот он и учит реинкарнации. Чистая бесовщина, ничего с правдой Божией не имеющая.

Что такое мытарства?

Когда человек умирает, душа исходит из тела человека и уходит из этого материального мира в мир духа. Этот исход называется – мытарства. Описание мытарств мы находим не в Библии, а в церковном предании, в опыте некоторых святых.

В житии Василия Нового находим мытарства Феодоры. Это не единственный источник, который об этом повествует. Их много. Они ни во всем одинаково говорят, по-разному. Почему? Это легко понять. Реалии мира нематериального понятиями мира материального выразить очень тяжело. Общий вывод такой: после смерти душа человека испытывает нечто.

Само слово «мытарства» – славянское. Мытница – это застава, где пошлину берут, налог. То есть душа проходит какие-то испытания, как заставы. Но если внимательно прочитать некоторые жития святых, то мы увидим, что у них мытарства совсем отсутствуют. То есть душа сразу идёт пред Господом в состояние рая, без мытарств.

Встречается ещё другой вариант. Читая древние свидетельства церкви, мы встречаем уникальные факты, очень странные для тех, кто привык думать строго по шаблону. Прошло довольно много времени, как человек умер, а его душа всё ещё находится в состоянии неопределённости. «Как между небом и землёй», – говорят в народе. С такими фактами тоже приходится сталкиваться, такое описание в церкви тоже есть.

Например, известно житие одного подвижника, который подвизался на Крите. Он был православным монахом, известным своей прозорливостью, и к Нему обратились с просьбой помолиться об одном умершем человеке. Это был знаменитый политический деятель, сенатор в Константинополе. Он известен был двумя фактами: первое, он был человек такой благотворительности, что сотнями кормил нуждающихся, помогал, одевал, – не было в этом ему равных в то время. Когда он умер, голытьба его на руках несла, плакали в голос, без театра, – он был их опорой.

После похорон патриарх, который лично его отпевал, в разговоре с императором высказал свое мнение: «Я думаю, что он в Царствии Божиим будет, сколько молитвенников за него, добрые дела его впереди него идут». Император возразил: «Не знаю, Владыка, как Вы рассуждаете, но у него ещё одна особенность была – он очень любил разврат». Вот такие две крайности. Так любил людей, помогал им, и известен свой развратностью был. Император сказал: «Такой-то разве может быть в Царствии Божиим? Туда ничего скверное не войдёт».

Вот они подвижника и попросили помолиться. Не любопытства ради или решения каких-то частных вопросов, а чтобы вразумление духовное оставить всем. И тот молился, долго молился с постом, чтобы Господь открыл состояние души этого человека. Господь дал ему видение. Подвижник его потом описал и письмом отправил патриарху и императору. Видение было такое: как будто поле, гора, на горе прекраснейший дворец, город, сияющий весь. А в стороне – овраг, из которого доносятся стоны; чад, смрад идёт. Он даже во сне понял: аналог рая и ада. И увидел человека, привязанного к столбу ровно посередине. На этом видение закончилось. Монах понял, что это ответ от Господа. Вот странное состояние: ни в аду, ни в раю, между небом и землей.

Когда мы говорим о мытарствах, испытании души умершего, то пытаемся мир духовный мерять мерками мира материального. Нет там никаких застав, ни разговоров души с бесами или с кем-то ещё. – это всё притчеобразно и образно. Тут важно другое: когда человек уходит в вечность, ему раскрывается духовное состояние души, освобождённой от давления греха, перед ним открывается вся его жизнь и оценка слов, дел, мыслей через правду Божию – вот это мытарства. Это – страх. Это – суд. Причём известно, что бесы могут искушать человека не только при жизни, но и после смерти. Но после смерти это очень коротенький промежуток: когда душа только вышла из тела, но не вышла за границы материального мира. Только они уже могут искушать не на грех, а страхами. Ведь можно про каждого сказать правду: или хорошее, или плохое. И будет одновременно правда неправдой. Потому что во мне есть то и другое. И в житиях святых мы видим, что бесы искушают правдой о грехах. Стараются вогнать душу человека в отчаяние. Ненависть, злоба, зависть в них так выражается. Но вот только в полном смысле таких застав, где стоят, спрашивают, отвечают – этого, конечно, в вечности ничего нет. Духовный мир – он не материален. Нам важен вывод: за то, что мы делали при жизни, придётся отвечать. Что этому всему будет дана оценка. Что всё это не исчезает бесследно – вот это главное.

Исхождение из временности в вечность происходит у некоторых легко, у некоторых мучительно, как роды, по-разному. Рождаются в вечность по-разному. А некоторым приходится быть в таком особом, непонятном состоянии.

Постоянно бывает, что приезжающие в церковь люди, рассказывают о подобных случаях. Вот пример: женщина похоронила сына. Понятно любому, что, как мать, она пережила в душе. Тяжело было. Очень тяжело. Неестественно тяжело. Но она смогла пережить. Когда похоронила мужа, пережить не может. Ну, казалось бы, наоборот должно быть. Говорит, что она измучилась просто, такое чувство, что какой-то долг перед мужем остался, который ей нужно отдать, но она даже не знает какой. Вроде по-доброму жили. Я её спросил: «Ваш муж Бога по-настоящему не знал?» – «Нет, батюшка, нет, нет, не знал. Чтобы в церковь ходить, молиться, причащаться – не было. Против Бога не говорил, но Бога не знал. По образу жизни, отношению к людям был очень добрым, отзывчивым, последнее мог отдать. Вот такой человек».

Такое состояние характерно именно для таких людей: когда человек по делам своим Божье творит, а Бога по-настоящему не знает. И состояние души у такого человека очень странное. Ему по делам-то нужно быть в Царствии Божьем, а веры нет. А в аду, он какой был добрый, как в аду-то? И получается такое странное состояние, как будто затормозил на мытарствах, как по-народному говорят. И Господь тогда о таких людях их близким, которые за них смогут помолиться, вот такое беспокойство в душу и вкладывает. У всех по-разному: кому-то сны начинают сниться и прочее. Я ей сказал: «Вам надо долг выполнить перед ним, там есть то доброе, за что Духу Святому поднять его можно в Царствие Божие. Начните за него молиться. Вы увидите, как Господь Вас утешит». Это говорит нам о шансе, что их вымолить можно.

Для нас, православных, мытарство – это некий символ, некая аллегория, некая притча больше всего. Но за этим стоит правда. Какая? Что за земное всем нам придётся отвечать.

Чем занимаются в раю?

Господь говорит: «Я не Бог мёртвых, Я Бог живых». Церковь молится за усопших и тех, которые находятся в аду. В день рождения церкви мы вспоминаем всех наших братьев и сестер, которые у Господа все живы. Кто-то из них может быть в аду. Крещёный, Бога знал, но грехами затолкал себя в ад. И о них сегодня с любовью молимся.

Духовный мир, Царство Божие – царство духа. Там материального ничего нет. В Библии нигде не сказано, что ангелы поют Богу. А у нас есть такое мнение, что ангелы Богу поют. Говорят: «Хор служение ангелов несёт, ангелы поют и они». Нигде не сказано, что ангелы поют Богу. Все знаем, что в начале шестопсалмия поются слова: «Слава в вышних Богу и на земле мир». Не сказано, что эти слова ангелы пели, но возглашали. Поэтому, что ангелы делают? Возглашают. Как это? Праведные в Царствии Божиим славят Господа. А славят, это что значит? Это бесконечно слова говорят? Или ответной любовью горят к Нему? Или что-то есть ещё шире? Поэтому, что такое Царствие Божие? Господь создал человека, как образ свой и подобие. Он – Всесовершенный во всесовершенстве пребывает Своей полноты. Мы созданы Им несовершенными, но свободными, с возможностью совершенствования. До какого уровня? До Его уровня. Но Он – бесконечен. Значит и для нас бесконечное совершенствование.

Что такое Царство Божие? Непрерывный, непрекращающийся рост в богопознании и любви. Вот это и есть то, что составляет жизнь находящихся в Царствии Божиим. Непрерывный рост в богопознании и любви, которые они реализуют. Кто-нибудь летал на самолётах? Когда попадаешь в воздушные ямы – ух, сердце замирает. Это замирание восторга, непрерывно нарастающее – вот что такое Царствие Божие.

Как люди в раю могут радоваться, когда их близкие находятся в аду?

Предположим, что некая душа наследовала после смерти рай, то есть вечное блаженство. Если Господь простит меня, и я буду в Царствии Небесном, но буду знать, что мои самые близкие родные в аду, то, наверное, попрошу послать меня в ад. Лучше с ними, чем без них. Кто задаёт себе этот вопрос, тот умеет любить. Такой человек, если с любовью будет молиться за своих близких, вытащит и того, кто уже там, на дне. Вывод: молиться, а не предполагать; действовать, а не мечтать.

Я знал молодого мужчину (тридцати ему не было, а они уже троих родили), который задал себе такой вопрос. Он понял, что не может находиться в Царствии Божиим, если близкие его в аду. Но если я упрошу только за одного близкого, а тот скажет, что и у него есть близкие, теперь как он будет в раю? Придётся так-то ад опустошить полностью. Он сказал: «Я понял, что я должен делать: не переживать душою, а деятельно закрыть двери ада». Как он решил сделать это? Он стал ходить проповедовать Христа. Это в советское время. Взял палочку, как древние апостолы, котомку на плечи, и пошел проповедовать Христа. Над ним смеялись, тыкали пальцем. Но многие слушали, многие обращались. Вот видите, его это переживание не от головы, а от сердца идущее, привело его к конкретным, практическим выводам.

Если мы переживаем за наших близких, то давайте им слово Божье нести, с любовью, дела любви являть, спасая их. Вот это важнее.

От того, как человек жил на земле, это ощущение, чувство переживания Бога становится или источником радости, или источником муки. Поэтому сказать так: «Бог наказывает адом или награждает раем», – в корне неправильно. Бог никого не судит. Суд износим себе сами. Поэтому ад и рай – это не место, где пребывает душа. Нет, это неправильная фраза. Ад и рай – это состояние души человека, не место, а состояние. Это состояние радости ли муки зависит не от Бога – Он одинаков ко всем, а от того, как мы жили на земле, чем себя настроили и что из себя сляпали. Если я сделал из себя духовного урода, то мне с вечной красотой мука быть. Я всегда переживаю это уродство свое, чувствую. Если я образом жизни с помощью Божией стремился расти в любви к Нему, пришел в вечность и увидел, что нет стены между Ним и мной, что я могу теперь видеть Его лицом к лицу, – для меня это будет радость.

Поэтому не Бог бесконечно наказывает грешника, а мы своим образом жизни делаем себя неспособными принять любовь Божию. Бог не каратель, не садист, не издеватель. А кто мой каратель, садист, издеватель? Я сам. И ведь не только над собой издеваюсь, но и над своими близкими, и над Богом, кстати, тоже. Кто Его до Креста довел? Я своими грехами тоже. Это очень важно.

Действительно ли муки грешников вечные?

Если Бог любит нас, как Он может видеть вечные муки? Предположим, я согрешил, даже тяжко, что такое вечная мука в сравнении с моим тяжким поступком? Выпороть меня! – Согласен. Но вечно пороть! Я же не вечно грешил. Несправедливость ведь всё-таки. Бог не может быть несправедливым. А тут – несправедливость.

И вы знаете, что многие думающие люди на этих вопросах спотыкаются и отворачиваются от Бога. Получается так: или муки невечные, Бог любящий простит всех; или, если они вечные, тогда Он такой жестокий, бессердечный, мстительный, ненавистный, что я не хочу Его знать. Вот как получается. И я слышал, как многие люди в простоте душевной, говорили вот так: «Вот тебя за это Бог-то накажет. Вот Он тебе даст, вот Он тебе ввалит. Вот ты получишь – будешь в аду». И вместо

того, чтобы говорить правду о Господе, клевету на Него возводят, что Он, оказывается, изверг, издеватель.

У нас в душе есть немножко такое, о чем Высоцкий пел в своей песне об индусах, помните: «Хорошую религию придумали индусы, что мы, отдав концы, не умираем насовсем». Есть шанс, есть шанс. Я умер грешником. Индус говорит: «Тело умерло, душа реинкарнирует, т. е. воплотилась в другом теле, всегда есть возможность жить правильно». Если бы я был индусом, то так бы сказал: «Надо правильно жить. Понятно. Но хочется поваляться! Поваляюсь в этой жизни. А в следующей там я... А пока на все сто разложусь в грязи-то». Вот это лжеучение индуистское, оно даёт шанс. Чего? Исправиться? Нет! Не исправляться: ну что мне сейчас напрягаться? Потом будет возможность, а сейчас уж, как следует оттянусь-то в грехах.

В отличие от этой лжерелигиозной философии, правда Божия, правда Евангельская, говорит о другом: о том, что это не так, что муки – вечны. Церковь не знает такого учения, что муки прекратятся. Для нас самый главный авторитет слова Божьего – это слова Иисуса Христа. В Евангелии мы сколько раз встречаем это: Он говорит – вечная мука, плач, скрежет зубов, вечный огонь называет адом. Если уж Господа переосмыслить, что он говорит неправду, тогда вообще не известно, что нужно говорить.

На решении этого вопроса можно увидеть и решение других. Каких? Нам очень сложно говорить о Боге. О существовании нашего небесного Отца. Устами пророка Исайи Господь говорит: «Я – не человек». Кто представляет себе Бога, как необыкновенного, величественного, но как бы человека, тот ошибается в корне, смотрит совсем не в ту сторону. Господь – не человек. Он, как Творец, создал и ангельский, и человеческий мир вне времени. Он был, когда ещё не было времени. И уже фраза неправильная. Вот как трудно бывает выразить истину Божию. Он был, глагол в прошедшем времени «был». А Господь вне времени, нельзя сказать, что Он был. А как сказать правильно? Ближе всего человеческим языком сказать: «Он был всегда». Время Им создано – Он вне времени. И временные понятия к существованию Божьему неприложимы.

Бог сотворил человека бессмертным. И душу, и тело – бессмертными. Мы помним: не только душа наша наследует бессмертие, тела наши воскреснут в последний день. На Пасху что празднуем? Воскресение тела Христа. Поэтому и тела наши – наследники Вечности. Часто мы думаем, что вечность – это века веков; это много, много времени. Нет. Вечность – это отсутствие времени вообще. Поэтому, когда мы говорим о вечности, нам нужно попробовать оторваться от условностей времени. Это очень тяжело, особенно тем, кто об этом не думал никогда. Это – одно.

Второе, когда человек уходит в вечность из временной жизни через смерть, то именно в вечность, и входит туда, где нет времени, поэтому приближается к Господу. В зависимости спросили Господа: «Зачем Ты говоришь притчами? Почему Ты прямо не говоришь?» Христос-Спаситель сказал причину этого: невозможно человеческими понятиями сказать о тайнах Царствия Божьего. Он говорит приблизительно.

Не только небесные, вечные, но и земные понятия порой очень трудно выразить. Если, например, перевести фразу с одного языка на другой, то стопроцентно нельзя перевести. Можно хорошо перевести слово – потеряешь смысл. Смысл дать – слово теряется. Равноапостольный святитель Японии – Николай, когда переводил богослужение с церковнославянского на японский язык, встретился с затруднениями, как перевести словосочетание «Господи, помилуй». В японском языке есть два близких по смыслу слова. Одно говорит о помиловании, но в таком ключе: преступника по каким-то причинам амнистировали, то есть «помилуй» в смысле «амнистируй». А второе слово очень близкое по значению к русскому «пожалей». Но ведь не совсем так тоже. Поэтому святитель Николай был в затруднении: выбор только из двух слов, и ни одно из них стопроцентно не подходит. Ему пришлось выбрать второе. Поэтому если на японском языке идёт богослужение, то дословный перевод фразы: «Господи, помилуй!» будет звучать так: «Господи, пожалей».

Невозможно точно выразить словами земные вещи порой, а глубинные духовные – и подавно сложно. Самое главное, следующее помнить: вечность – это не дикое количество времени, а отсутствие такового вообще. Входя в вечность, мы переживаем Господа, в зависимости от того, как мы жили, какими себя сделали. Это переживание – радость или мука. Не Бог наказывает, а сами себя такими сделали. Кому-то при этом больно и не хотелось бы быть в вечной муке. Но я сам себе говорю: «А кто мне мешает в вечной радости-то быть?» Сам себе мешаю.

Последний год моей жизни был очень поучительный. Я отпросился у архиерея с церковно-административных должностей настоятеля и благочинного. Я был 25 лет настоятелем, потом благочинным. Эту церковь с нуля начал. Слава Богу, освободили. Я просился на покой и за штат. «Ладно, отпущу, ну только когда вперед ногами из алтаря понесут, до гроба будешь», – сказал архиерей. Всё. Точка.

Теперь вместо меня – мой старший сын. Он не может делать, как я делал, один в один. Это не значит, что он неправильно делает, просто по-другому. У каждого свои особенности. Я рад, но маленько поправить бы надо. «Я уж тебе скажу, как я считаю нужным, – говорю ему, – ты сам смотри, как сделать, но я всё-таки скажу, как я считаю нужным».

Так и в других вещах. Например, дети выросли, большие. Да, большие, конечно, самостоятельные, взрослые. Но они, может, чего не понимают, а я им подскажу. Дочери скажу. И сыну скажу. И вот этот год заставил меня много переосмыслить. Я понял: лучше молчать. Они, может, ошибаются. Но я молчу. И мне остается говорить, только не им, а о них Господу, – молиться за них. И они не раздражаются, и их не обижаю, не лезу, а даю Господу действовать. А Он, в отличие от меня, будет с любовью управлять-то. Кто мне мешает так действовать? А я опять спотыкаюсь, порой скажу что-нибудь, а лучше бы молчать.

Поэтому, кто мешает мне забыть тему вечных мук и жить так, чтобы уже теперь испытывать рай на земле? Никто не мешает.

У кого вопрос возникает, что Бог несправедлив? У того, кто живёт греховной жизнью и не хочет исправляться. И всё ищем себе отмазки, формы какие-то. Как бы и с грехом жить, и в вечном раю быть. За этими вопросами стоит внутреннее наше душевное чувство. Господь знает наперед, что у каждого есть возможность быть наследниками Царствия Божьего и жить в радости. У каждого без исключения. И поэтому даёт нам жизнь.

Какой смысл быть второму суду Божьему?

Вот я умер, мне суд износится, потом воскресение мёртвых. Что второй раз пересуживаться будет, когда и так всё ясно? Ну ладно, те, которые доживут до того времени, не умерли ещё, а так, какой смысл: первый раз Бог ошибся, что ли? Что, адвокаты новые, взятки какие-то подействуют? А дело не в этом. Это образное понятие – суд, второй суд. Не так правильно сказать.

Когда мы уходим в вечность душами, то естества, тела нет, а только душа. Потому полноты радости и мук мы не испытываем. Если сейчас говорить о рае и аде, то нужно говорить вот так: сейчас умершие испытывают предчувствие, предначатие рая или ада, так правильно сказать, более точно. А когда тела воскреснут, то придёт полнота рая и ада. Так церковь говорит, это есть церковное учение, поэтому будем чувствовать радость или муку всей полнотой своего естества: и душевно, и телесно. Только это будут другие чувства, тело будет другим, и чувства будут другими. А какими будут? Есть очень четкое описание рая и ада. Например, о рае Иисус Христос сказал дословно: «...не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2: 9). То есть, что бы мы ни сказали, это не выразит полноты, не выразит того, что тогда будет.

Можно говорить приблизительно, отчасти. Апостол Павел говорит: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу» (1 Кор. 13:12). Смотрим, как сквозь стекло закопченное. Сейчас мы имеем возможность влиять на усопших своей любовью, выраженную через молитву.

Мы сейчас это не чувствуем, и понятно, мир в грехе, грех – это распад. Крайняя форма распада – смерть. Наше тело во время смерти распадается, гниет. Душа от тела отделяется – тоже разделение. А когда нет греха, нет разделения, становится понятным: насколько все люди между собой взаимосвязаны.

По-моему, у Василия Великого есть такая фраза, если дословно перевести, он говорит «плодиться» значит «размножаться», оно слово-то библейское ближе к еврейскому по содержанию, размножаться. Что такое размножаться? Дробиться. Вот один фрукт, его размножить, дробим, режем. Это не новое получается, а части единого, они меньше, они слабее, – вот что такое человечество. Поэтому в данном случае размножение человечества, как раздробление, по мысли Василия Великого, это следствие упадка, распада.

Григорий Нисский, например, говорит, что размножение, если бы не было греха, было бы другим. Не распад делением, а что-то иное, нам сейчас трудно сказать что. Мы же видим, что в природе размножение по-разному происходит.

Мы – единое целое, человечество – сообщающийся сосуд. Что мы здесь делаем, то в вечности отражается. Здесь – кричим, там – аукается. И наоборот. Мы знаем, что и обратная связь есть. Святые за нас молятся, мы же знаем, мы же чувствуем это, переживаем опытно. На нас это влияет. Они молятся – Господь за их молитвы действует. Я бы так сказал: они, своей любовью, усиливают любовь Бога к нам. Так и мы по отношению к нашим усопшим.

В каноне Новозаветных книг древней Александрийской церкви было послание апостола Варнавы, оно и сейчас есть в церкви. Его локально читали некоторое время за богослужением в Александрии, но потом и там вывели. Это первое творение из творений уже апостольских, то есть учеников апостолов. Апостол Варнава, мы знаем, с Марком был, с Иоанном. У него есть мысль в послании, которая кроме него у многих встречается, он говорит о том, что все законы, Богом созданные, в этом мире настолько взаимосвязаны, что когда придёт конец света: грех возобладает, Антихрист придёт, – много составляющих. Одна из них – когда число, количество праведных наполнит число падших ангелов. Есть такая мысль. И поэтому восстановится Богом изначально заложенное. Нет смысла дальше чему-то быть. Потому что Он изначально сделал так, как надо, насколько максимально лучше. Равновесие будет достигнуто.

Большое счастье, что Господь хочет видеть нас в числе ангелов, что Он видит наше будущее со святыми, что Он – непостижимый, ради нас подобным нам стал во Христе Иисусе; Он – вездесущий, с нами пребывает Духом Святым. Вхождение каждого из нас имеет смысл, Он ввел нас в мир, меня например, чтобы я совершил ту цель, ради которой Он мне и дал быть. И для осуществления этой цели, Он мне дал изначально какие-то таланты, которые в каждом есть, в каждом разные, но какие кому нужны для выполнения данной цели. Мы не говорим о вечности ада, в Библии это называется второй смертью, даже не вечностью, второй смертью назвать можно. Бытие хуже небытия. А кто будет в радости Святого Духа, радости Царствия Божьего, которое мы называем словом «сад», «рай», то это не будет наслаждением в нашем земном понимании, это не будет некое созерцание блаженств и безделье, это, благодаря заложенным задаткам, будет непрерывный рост в совершенствах в той форме и в том виде, в которой таланты нам дают.

Как в ангельском мире чины есть: херувимы, ангелы выше – ниже, но никто из них не чувствует себя униженным или возвышенным, а как в правильной семье – есть старшие и младшие дети, но все соединены одной любовью, никто не чувствует себя обделенным. Вот так в Царствии Божиим. Это

непрерывный рост в богоподобии. Но тут присутствует внутреннее противоречие для нашего человеческого ума. Вечный рост в уподоблении Богу. Бог бесконечен, значит, бесконечный рост в совершенствах Творца. Теоретически когда-то достигнем совершенства? Никогда. Бог бесконечен в совершенствах. Это трудно принять умом, но это правда. И второе, в этом есть источник блаженства. Ни в том, что всё хорошо, теперь всё позади, слава Богу, нет, а в самом факте непрерывного роста. Как на качелях в детстве: чем выше, тем больше дух захватывает. А сколько выше? Бесконечно выше. Сейчас в том мире, в котором мы живём, многие рождаются с такими талантами, которые нужны сейчас, в этом перевернутом мире. И если человек будет их осуществлять в этой жизни, в них совершенствоваться и в грядущем преображении, воскресении мёртвых, то они как в огне преобразятся: сейчас имеют одно выражение, форму и последствия действия, тогда будет по-другому. Как вода, вот она газообразная, вот жидкая, вот она твердая. Так, разные состояния.

После всеобщего воскресения мы наследуем те же самые тела или новые? Говорится ли где-то об этом?

Да, у апостола Павла написано конкретно: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное» (1 Кор.15:44). Прямо конкретной фразой. Кроме этого, мы знаем, что когда Христос жил на земле, его били, гвозди вбивали в тело. А когда Он воскрес, то было Его тело, сохранились даже следы от ран, но оно стало другим, например, Он проходил сквозь закрытые двери, стены, становился невидимым, мог жить без пищи. Тело одухотворилось, тело духовным становится. И это не потому, что после воскресения тело другим станет. Если с навигатором сравнить жизнь человека, то вот прямая линия, а вот точка, к которой я должен идти. Это точка – Господь, вечность. Человек посредством греха в сторону ушел. Этот уход в сторону, как раковая опухоль, её надо отрезать, она чужая, она не моя. Поэтому можно сказать так: тело преобразится, а можно – вернется к первоначальному состоянию. Времени не будет, мы будем все – вневозрастные. Как душа. Душе вашей сколько лет? Вы как себя чувствуете, на сколько лет? Вот таким будет ваше тело. Тело душевное имеет форму, тело пораженное грехом, как следствие греха. Тело преобразенное, восстановленное, тело духовное, не будет иметь таких форм и таких объемов.

Например, Господь Бог – всесовершеннейший Дух, там нет тени материального, а ангелы – они духи с маленькой буквы, там есть какая-то мини-материальная субстанция, какая-то энергетическая субстанция. Они – не чистейший дух в полном смысле этого слова. Если по Библии говорить, что такое человек? Это дух, душа и тело. Ангелы – дух и душа, без тела. Материальное здесь – это очень условная фраза. Так и тело наше. Оно будет нашим телом, но качества его, свойства – совершенно другими станут.

Как Вы относитесь к смерти?

В моем возрасте это хорошая тема – скорей бы. Я чувствую себя старым с одиннадцати лет: и внешне старею очень быстро, и тело у меня разваливается. Я чувствую приближение старости. Потом, я прожил, наверное, очень много. И, мне кажется, что-то очень ярко. Много внутреннего своего вовне выразил. И поэтому израсходовался сильно – я уже устал. Я не кривляюсь, говорю это искренне. Для меня близки слова апостола Павла: «Ибо жизнь для меня – Христос, а смерть – приобретение» (Флп. 1:21). Меня в этом мире ничего не держит, для меня ничего уже не интересно. С детства, правда, у меня одна проблема, одно большое переживание: я знаю, что мне не оправдаться на суде Божиим. Вот всё, что меня ужасает, а больше ничего не держит.

Были ли в Вашей жизни случаи, когда Вы на себе почувствовали близость смерти?

Да, я говорил об этом не раз в проповедях. Первое, это когда увидел мёртвым моего дядю в одиннадцать лет.

Первый раз так близко увидел смерть человека, которого хорошо знал, родного человека. Дядя болел, тяжело болел – туберкулезом, но я в силу своего возраста не понимал, что это может закончиться смертью. Я не видел его перед смертью непосредственно. Запомнил его высоким, статным, чернявым, с красивыми волосами, с правильными чертами лица – красивым человеком. Он любил читать, был умный. И вдруг сообщили, что он умер. И мы всей семьей поехали на похороны.

Помню: входим в квартиру, в которой он жил, я вижу гроб, и меня буквально с ног сшибло от того, что я увидел, меня потрясло, свидетелем чего я стал. В гробу лежало странное существо, которое только отдаленно напоминало моего дядю. Страшный на внешний вид, неестественно худой, изорванные ноздри, губы в болячках – непохожий сам на себя. Меня потряс вид его смерти и, конечно, общая скорбь всех родных и близких.

Это было 10 марта, было очень холодно. Вынесли гроб, все оделись, как-то замотались в свои одежды, а его вынесли в костюме в гробу. Я как сейчас это помню: смотрю на него – голые руки лежат в гробу на груди, открытое лицо. Я думал: ему так холодно, наверное, в гробу, почему никто не хочет одеть его. Мне было непонятно. Потом повезли хоронить – уже темно было. И вот эта темнота, поле в снегу, завывание ветра – всё это на меня сильно подействовало. Гроб заколотили, опустили в могилу, стали даже не закапывать, а заваливать. Снег, лед, землю – всё это кидали на крышку гроба. Из гроба раздавался убийственный звук внутренней пустоты. Только что все плакали, говорили, как его жалко, как его любят, а теперь зарывают в мерзлую землю, так плохо одетого, закидывают этой мерзлой землей и льдом, оставляют одного и уходят.

Мне было трудно всё это воспринять, пережить. День, тем не менее, закончился. Мы приехали домой, легли спать. Я спал один в зале и никак не мог заснуть. Было темно, очень холодно. Я кутался одеялом, стараясь согреться. Мысленно прокручивая в голове прошедший день, вспоминал всё увиденное: могилу, гроб, смерть. Мне казалось, что эта окружающая меня тьма может быть тьмой и моей могилы, ведь когда-то я тоже умру. Меня тоже закопают, закидают какими-то комками.

Я очень сильно прочувствовал смерть и очень остро пережил пустоту, бессмыслицу всей жизни. Я тогда не столько понял, сколько почувствовал: а зачем жить-то тогда? Для того, чтобы закопали? Чтоб забыли? Разве в этом смысл жизни? Зачем жить, если так и так умрешь? Я думал: а как сейчас дядя Володя? Он один, в земле, брошенный всеми. Мне не пришла мысль о его душе, нет. Я думал только о том, что видели мои глаза.

Меня охватил ужас и страх. За него, за себя, и за близких. Я расплакался – в голос, сильно. Я не смог себя сдерживать и разбудил даже маму. Она вышла из комнаты: «Сынок, что случилось? Что с тобой? Тебе что-то приснилось?» И я сказал то, что было на душе: «Мама, я умру. Мы все умрем, зачем тогда всё?» Она сначала не поняла, начала успокаивать. А потом поняла, что у меня на уме, и стала говорить: «Да, да, это правда, сынок. Но это будет ещё не скоро, ты поживешь ещё, поживешь». Я помню, даже тогда умом я понимал, какой это несерьезный аргумент – не скоро. Всё равно умрем – скоро, не скоро. Но мне захотелось успокоиться и заснуть.

Я как бы поверил и заснул, но шли годы, идут сейчас, и с того времени не проходит и дня, чтобы я не прочувствовал, как струну, как нож, который режет моё сердце всегда, – я всегда помню смерть. Всегда ощущаю пустоту, бессмыслицу земной жизни. Я могу смеяться, шутить, чем-то увлекаться, но всё это внешнее, как маска на лице. Внутри, как струна, которая непрестанно режет сердце, кровавит от невыносимой тоски, идущей от сохранившегося с того момента внутреннего ощущения смерти,

бессмысленности всего земного, пустоты.

Этот факт был очень сильным для меня. И после пережитого я уже не мог жить так, как жил до того. Эта пустота жизни, бессмысленность меня просто убивали. Я стал искать смысл и цель. Поэтому вот этот факт, когда я пережил так близко смерть дяди, стал поворотным к тому, чтобы я начал искать жизненную цель и смысл, и не успокоился, пока не нашел её во Христе.

Второе – это когда я первый год учился в семинарии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры под Москвой. Шёл Великий пост. Я никак не мог решиться пойти на исповедь. До этого исповедовался и причащался в Ульяновске, ну как все. А исповедь как проходила для всех? Подходишь к кресту и Евангелию, называешь имя, наклоняешь голову, батюшка читает какие-то непонятные слова, кидаешь двадцать копеек в кружку, целуешь икону и уходишь. Это исповедью называлось. Таким образом, легко было исповедоваться. Двадцать копеек можно найти и поцеловать несложно, наклонить голову нетрудно. А когда я оказался в семинарии, вдруг понял, что так здесь не получится, здесь нужно по-другому.

Сам по себе я был в то время очень закомплексованным молодым человеком, с кучей всяких фобий. Вот так прийти и всю грязь наружу вывернуть перед чужим человеком я никак не мог. В Лавре был такой, ныне покойный, иеродиакон Агафангел Бобров, мой земляк. Мы иногда с ним виделись – он гулять выходил вокруг храма вечером, когда Лавру закрывали для посетителей. Он всегда по-доброму ко мне относился. В Лавре было всего три человека из Ульяновска: иеродиакон Агафангел в Академии учился в то время; ещё один, на год постарше меня, и я.

Как-то мы с ним встретились, он спрашивает меня:

– Великий пост, ты причастился уже?

– Отец Агафангел, ещё не причастился.

– Да ты что, зачем откладываешь? Причащайся.

– Да я вот это...

– Что ты это? Когда будешь?

– Да я не могу решиться исповедоваться.

– Что? Как? Да ты что! Надо просто немедленно! В это воскресенье. Давай договоримся: если не пойдешь сам, то я прихожу к тебе, стаскиваю тебя с постели.

Фактически он меня заставил. Я, такой закомплексованный, представил, как он меня стаскивает с постели. Это стыд какой, позор, – поэтому я согласился. Я выбрал духовника, к которому стояло всех больше людей. Я подумал: люди же знают, какой самый добрый, поэтому всех больше к доброму. Подольше стоять буду, подольше оттяну время. Он уже устанет, ему не до меня будет. Когда я подошёл, он сидел, и мне показалось, как будто он заснул. Я сказал первые слова, он вздрогнул, повернулся ко мне лицом, в котором даже тени сна не было, лицо всё в слезах. Он сказал: «Сынок, ты погибнешь. Нельзя, надо обязательно меняться». Я готов был провалиться сквозь землю. Мне было так страшно, стыдно. Я так испугался, что погибну. Меня, оказывается, не ненавидят, не брезгуют, а любят до слез. И это был чужой человек, который меня первый раз в жизни увидел. Было уже предрассветье, ранняя литургия вот-вот начнется. После исповеди я ушел на несгибающихся ногах. Мне некогда было переживать о том, что произошло, скорее нужно было правило ко Причастию читать, уже некогда было. Я его прочитал и пошел в Трапезный храм в Лавре на литургию. Литургия уже начиналась. Я увидел того священника, которому я исповедовался и который всех дольше на исповеди был, он служит Литургию, а ведь без сна всю ночь. Меня это очень потрясло: я забыл про ноги, про всё, – стоял и молился. Я потом только понял, что пребывал в состоянии внутренней чистоты, когда освободился от грязи. Причастился. В тот момент даже вкус причастия был другим. Я тогда не знал, потом читал у многих, что, когда человек в благодати, то даже вкус причастия бывает другим. Я

тогда и это почувствовал. У меня такое ощущение было в детстве, когда ещё не испоганился. Я всё никак из церкви выйти не мог, оторваться, хотя ноги уже не держали, хотелось куда-нибудь упасть. Иду в корпус. Вокруг весна, возрождение природы, после зимней смерти воскрешающей, и солнышко от тающего снега слепит глаза. Птицы уже поют по-весеннему. Так хорошо. В душе – весна, ангелы поют. И в этот миг у меня появилась даже не мысль, полумысль, почувствование: вот умереть бы сейчас в таком состоянии. У меня не было колебаний, что я сразу в рай уйду. Чувство рая в душе было, такое наслаждение. Тут было другое ощущение смерти: не страх, а радость. Но как бы хорошо ни было, тут же проявилось чисто человеческое: «Но мне только восемнадцать». А потом опять: «Нет, нет, нет, всё равно туда, домой».

А третий раз, когда уже был священником в Марийской республике. Это было в советское время. В церкви старостой была бабушка такая своеобразная. Она ходила по свадьбам играть на гармошке, а потом к Богу обратилась. Как только я приехал, она сразу сказала: «Так, сразу оговорим всё, кто у нас кто есть. Я здесь хозяйка. – мы были одни в пустой церкви. – Что прикажу, то и будешь делать». А я, зная, что она на гармошке играла, с полуюмором сказал: «А может, Вы прикажете в облачении на амвоне впрыскадку плясать?» А она: «Прикажу – будешь!» С этого разговора и начались у нас трения.

Из тюрьмы освобожден один сельчанин, в прошлом священник, он пил, развратничал. Он ведь служил когда-то, а потом у него такая вот жизнь закрутилась. В общем, в тюрьме сидел не за Христа. Голос и слух у него были очень хорошими. Я к Нему по-доброму отнёсся: бывает, все ошибаемся. Он к нам пришел знакомиться, рядышком жили. Мы пели, пели, радовались, его хвалили: «Да как хорошо, как красиво». Староста взяла его на клирос псаломщиком, а он ушёл в очередной запой. Я сказал старосте:

– Ну, это уж нельзя, когда псаломщик пьяный приходит.

– Так, не лезь, командовать ещё будешь. Я здесь хозяйка, – ответила староста.

– Тогда не буду служить, к архиерею поеду.

– Я тебе поеду.

И она ему всё передала. У него сынок умственно полноценный, он сколько раз избивал его – дураком сделал. И они с сынком через несколько дней после этого разговора, в очередной запой, когда пили очень сильно, стали никакими, – они прибежали к нашему дому. Жена с сыном в это время ушли в магазин. Я дома был один. Деревня – двери не запираются. Они залетают, сразу меня валят на пол. Я никак не ожидал ничего подобного, мне и в голову это не приходило. А он сразу нож достал, и приставил мне к горлу.

Я с наслаждением вспоминаю этот миг. Что меня порадовало потом – у меня не было страха, ведь можно было напугаться сильно. Только одна мысль была в голове: «Кто же о жене и ребенке теперь заботиться будет?». Потом, когда всё это прошло, и я пришел в себя, подумал: «Господи, я такой грешник, но какой молодец, что подумал не о себе в это время». А потом напугался: «Надо православному, наверное, в это время у Бога прощения просить».

Ещё один момент, когда меня призывали в армию. На призывной медицинской комиссии мне сказали:

– Крестик надо снять.

Я сказал:

– Я не могу.

– Почему?

– Я – православный христианин.

И тут началось. Меня повели в кабинет к комиссару, главврачу. Начали дергать. Комиссар

сказал:

– Ты снимешь крест сам.

Я сказал:

– Нет.

Он сказал:

– Снимешь и сожжешь его на моих глазах. Я сделаю так, что ты сделаешь это. Весной мы тебя не возьмем, и осенью, так и будем дергать до 28 лет, а потом возьмем. И отправим в Афганистан. Оттуда тебя привезут в цинковом гробу, с пулей в голове. Не в лоб получишь, в затылок. Тебя убьем мы. Нам таких не надо.

Я понимал: на всё воля Божия, если Господу так угодно, я это понесу. Я пошел к одной знакомой старушечке, взял единственную книгу, которая у неё была: «Жития святых за сентябрь». Быстро прочитал её, читая не всё, а только жития мучеников. Я не помню имя мученика, ему в рот залили расплавленное олово за то, что он исповедовал Христа. Я прочитал и подумал: «Мне пока не заливают в рот олово расплавленное, что мой крест по сравнению с крестом этого мученика? Да хоть и заливать будут, долго ли? Смерть последует при этом очень быстро. Ну, мелочи всё». И так, укрепившись, решил терпеть всё, что Бог пошлет.

Потом комиссар сделал другую вещь. Он сказал так: «Нет, тебя надо отправить в психушку. Да, да, именно, в психушку». Брал документы, отдавал конвоирам и меня под конвоем повезли в ульяновскую психбольницу им. Карамзина. Отправляя меня, он говорил: «Если ты здоровый, отсюда придешь больным. Тебя заколют уколами, и ты станешь дураком точно. О, вот так с тобой лучше поступить, так препроводите его в психбольницу». Когда он говорил, то смотрел на меня, какая у меня будет реакция. А я подумал: «Да, нет. Он меня пугает. Пуля в затылок или в лоб, какая разница. Как хорошо, как легко Царство Божие наследовать». И внешне у меня улыбка на губах от этих мыслей появилась. А комиссар ещё больше рассердился, думая, что я, восемнадцатилетний, над ним, сорокалетним, смеюсь.

Четыре очень разных факта из моей жизни, но все одинаково важны для меня.

Как избавиться от страха смерти?

Если мы в себя вникнем по-серьезному и бросим себе врать про детей, про карьеру и прочее, то, когда мы о смерти слышим, нас пугают две вещи: первое: противоестественность этого явления. Это хорошее чувство. Это, значит, чувствуем призыв к бессмертию, в нас живущий, бурлящий.

И на самом деле это так, Бог создал человека бессмертным, поэтому умирать неестественно. И потому всё внутри бунтует против этого, против этой неестественности. Но после грехопадения Адамова это стало злом неизбежным, но меньшим и лучшим, чем бессмертие – физическое, земное бессмертие.

Про себя скажу: если бы мне дали возможность жить тысячу лет, я бы в ногах валялся у Господа, криком кричал: «Не хочу, не надо». За что здесь зацепиться-то? Это ведь молоденьким, которые только жить начинают и жизни не знают, всё кажется в радужном цвете. Кто дольше пожил – знает: чем дальше живём, чего больше набираем? Чаше – греха. Хотим дольше пожить, чтобы больше покаяться. А почему до сих пор не покались? Где гарантия, что будем каяться? Я за собой замечаю: у меня пороки с возрастом не ослабевают, а хитрее делаются. Я научился себя очень тонко обманывать. Например, готовясь к исповеди, все грехи вспомнить, во всем покаяться – словами. Без обязательного для себя решения изменить образ жизни. И тут же себе говорю: ну, человек же, слабый. Когда

исправляться? Потом. Когда потом?

И второе, если в себя всмотреться, что нас пугает по-настоящему? Всё-таки страх суда Божьего. Это я и в себе вижу, и у людей наблюдаю. Чтобы быть оправданным на суде Божьем, нужно не долго прожить, а правильно прожить. Это необходимо. Долго и правильно – не одно и то же.

Господь предупреждает и явно говорит о смерти, через это заставляет дорожить временем, жизнью, чтобы прожить не напрасно, не впустую, не в погибель. Бессмертный человек может иметь смыслом только бессмертное, вечное. Поэтому нарожать детей, закопать их в яму, а души отдать в ад, на муки – это не смысл. Но детей можно воспитать по-другому, чтобы настоящими, правильными были, чтобы наследниками Царствия Божьего были. Это можно сделать только в одном случае: если родители смогут так жить, тогда и их зажжём. Тогда будет смысл и в детях, и в карьере, и в профессии, ибо всё это будет подчинено вечным целям.

Женщина-врач, с научной степенью, профессионал в своем деле, написала письмо. Она пишет, что заболела болезнью, название болезни в две строчки, даже не знаю, что такое. В двух словах, трупобразующееся медленное умирание. Кожа у неё отмирает, рассыпается в пыль. В Библии написано: Адам был создан из праха. И она видит себя, превращающуюся в прах. Её это ужасает.

Нам и всем хорошо видеть себя, превращающимся в прах. Людям, уже пожившим, хорошо утром и вечером смотреть на себя в зеркало и видеть тление. Лучше ходить на похороны, чем на свадьбы. Советовал бы. Это очень отрезвляет. Особенно, когда приходишь и видишь в гробу молодого человека. Молодые тоже умирают.

Мне никогда не забыть, когда я первый раз столкнулся с таким печальным фактом. Мне тогда было лет 28–29, я уже служил священником в Болгаре. До этого я никогда подобного не видел. В одной семье родился ребеночек, он был сразу очень больной. Его смогли окрестить прямо в роддоме, и вскоре он умер. И вот его папа (я считаю, что он был настоящим мужчиной) своими руками сделал гробик, как игрушечный. Сам принес его на отпевание, крещёный ребенок-то.

Чин отпевания младенцев – особый. Там ничего не говорится о грехах умершего, а что он наследует Царство Божие. Но когда младенец лежал в гробу, мне очень сложно было отделаться от чувства, что как-то всё неправильно, этого не должно быть. Не отпевание, а какой-то спектакль идёт. Лежит в гробике: губки красненькие, как живой, – будто спит. И одновременно: он – мертвый, мы – живые. Так не может быть, так не должно быть. Если только наоборот. Я помню сумбур чувств, который поднялся в душе. И как папа, после отпевания, закрыл гробик, взял его подмышку. Выкопали маленькую ямочку в ногах у родных на могиле. Я помню, что тогда сам себе сказал: «Господи, а я думаю, что у меня впереди большая жизнь. Можно дуркануться не раз и не два, а потом покаяться. Господи, ты для чего мне это показал? Потому что может быть по-всякому. Несчастный случай и я – кувырк. Он среди ангелов. А я?»

Не надо бояться смерти, нужно бояться того, что за смертью будет – суда Божьего. Если этого бояться, получится красиво жить.

Молодая девушка меня спросила: «Батюшка, как мне избавиться от страха смерти? Меня это так мучает». Я ответил так: «Многие святые отцы много усилий приложили, чтобы стяжать драгоценнейший, наиспасительнейший дар – непрестанную память смерти. Они просили со слезами этого дара. Ты без труда это имеешь. Радуйся». Она говорит: «Батюшка, этому невозможно радоваться, что же это за радость? Всю жизнь помнить о смерти».

Если по-настоящему всю жизнь помнить смерть, суд Божий, придётся жить, дорожа каждым мгновением, проживая его стопроцентно каждую секунду. Придётся жить настоящим, а не мечтаниями о будущем или воспоминаниями о прошлом, пропуская настоящее мимо. Придётся жить, всегда помня суд Божий, и нести ответственность за каждое слово, за каждое дело, стараясь жить правильно, а не как получится. Так это же прекрасно. Каждому можно такое пожелать.